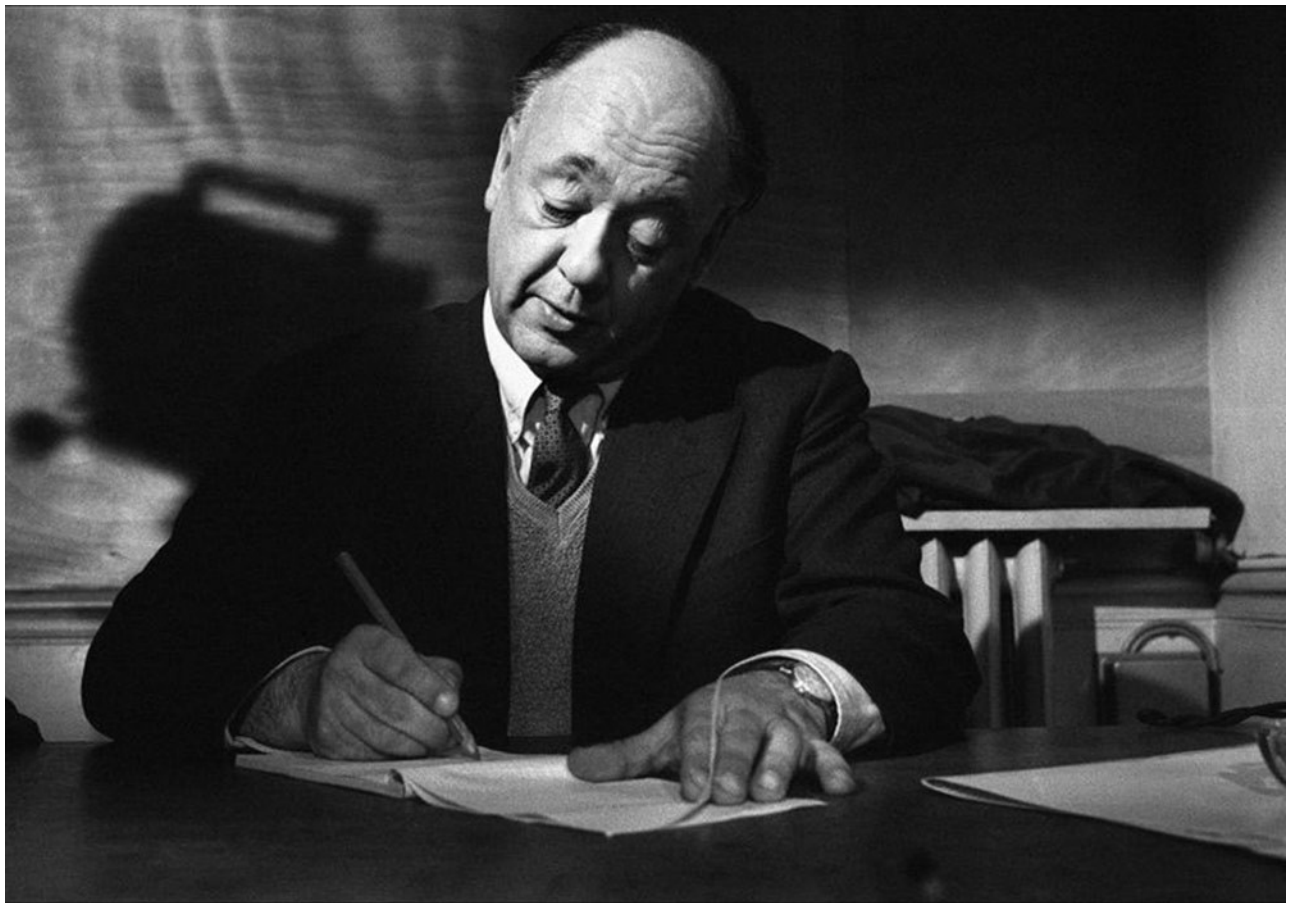

Эжен Ионеско

Оглавление

<u>Сказки для детей моложе трёх лет.....</u>	
<u>Первая сказка для детей моложе трех лет.....</u>	
<u>Вторая сказка для детей моложе трех лет.....</u>	
<u>Третья сказка для детей моложе трех лет.....</u>	
<u>Четвертая сказка для детей моложе трех лет.....</u>	
<u>Фотография полковника.....</u>	
<u>Орифламма.....</u>	
<u>Пробел.....</u>	
<u>Этюд для четверых.....</u>	
<u>Бред вдвоем.....</u>	

Сказки для детей моложе трёх лет

Первая сказка для детей моложе трех лет

Жозетт уже большая; ей тридцать три месяца. Однажды утром, как всегда, она подходит своими нетвердыми шажками к двери родительской спальни. Она пытается толчком открыть дверь, она пытается открыть ее совсем как маленькая собачка. Она теряет терпение, она взывает, и это будит ее родителей, которые притворяются, что не слышат ее. Папа с мамой сегодня утром ужасно усталые. Этой ночью они ходили в театр, потом, после театра, в ресторан, потом, после ресторана, в кино, потом, после кино, в ресторан, потом, после ресторана, на кукольное представление. И теперь им лень. Тяжела родительская доля...

Уборщица тоже теряет терпение. Она распахивает дверь в родительскую спальню и говорит:

— Доброе утро, месье, доброе утро, мадам, вот ваша утренняя газета, вот открытки на ваше имя, вот ваш кофе с молоком и сахаром, вот ваш фруктовый сок, вот ваши круассаны, вот ваши тосты, вот ваше масло, вот ваш апельсиновый мармелад, вот ваш клубничный джем, вот яичница, вот ветчина, и вот ваша девочка.

У родителей болят животы, потому что я забыл сказать, что после кукольного представления они ходили в ресторан. Родители не хотят пить свой кофе с молоком, не хотят свои тосты, не хотят свои круассаны, не хотят свою ветчину, не хотят свою яичницу, не хотят свой апельсиновый мармелад, не хотят свой фруктовый сок и не хотят клубничный джем (он даже не клубничный, на самом деле, он апельсиновый).

— Дайте все это Жозетт, — говорит папа уборщице. — И когда она наестся, верните ее нам сюда.

Уборщица поднимает девочку на руки.

Жозетт кричит. Но, поскольку она маленькая обжора, она утешает себя на кухне маминым мармеладом, папиным джемом, круассанами обоих родителей и фруктовым соком.

— Что за маленький людоед! — говорит уборщица. — У тебя живот не меньше, чем глаза...

И для того, чтобы девочке не стало нехорошо, уборщица выпивает родительский кофе с молоком, съедает яичницу, ветчину, а также рисовый пудинг, оставшийся со вчерашнего дня.

Тем временем папа и мама снова засыпают и храпят. Однако недолго. Уборщица возвращает Жозетт в родительскую комнату. Жозетт говорит:

— Папа, Жаклин (так зовут уборщицу) съела твою ветчину.

— Вот и хорошо, — говорит папа.

— Папа, — говорит Жозетт. — Расскажи мне историю...

И пока мама спит, потому что устала от стольких развлечений, папа рассказывает Жозетт историю.

— Жила-была девочка, которую звали Жаклин.

— Как Жаклин? — спрашивает Жозетт.

— Да, — говорит папа. — Но это была не Жаклин. Жаклин была маленькой девочкой. У нее была мама, которую звали мадам Жаклин. Папу маленькой Жаклин звали месье

Жаклин. У маленькой Жаклин было две сестры, которых звали Жаклин, и двое кузенов, которых звали Жаклин, дядя и тетя, которых звали Жаклин. У дяди и тети, которых звали Жаклин, были друзья, которых звали месье и мадам Жаклин, и у них была девочка по имени Жаклин и мальчик по имени Жаклин, и у девочки были три куклы, которых звали Жаклин, Жаклин и Жаклин. У мальчика был приятель по имени Жаклин и деревянные лошадки по имени Жаклин, и оловянные солдатики по имени Жаклин. Однажды маленькая Жаклин вместе со своим папой Жаклин, с братом Жаклин и с мамой Жаклин отправились в Булонский лес. Здесь они встретили своих друзей Жаклинов вместе с их девочкой Жаклин и ее куклами, которых звали Жаклин, Жаклин и Жаклин, и вместе с их мальчиком Жаклином и его оловянными солдатами, которых звали Жаклин.

Пока папа рассказывает истории маленькой Жозетт, уборщица заходит в комнату. Она говорит:

— Вы собираетесь свести с ума эту девочку, месье.

Жозетт говорит уборщице:

— Жаклин (поскольку, как я уже сказал, уборщицу тоже зовут Жаклин), мы пойдем на рынок?

Жозетт отправляется с уборщицей за покупками.

Папа с мамой снова отправляются спать, потому что они очень устали; минувшей ночью они были в ресторане, в театре, снова в ресторане, на кукольном представлении и потом снова в ресторане.

Жозетт идет в магазин с уборщицей. И там она сталкивается с девочкой, которая пришла с родителями. Жозетт спрашивает девочку:

— Хочешь поиграть со мной? Как тебя зовут?

Девочка отвечает:

— Меня зовут Жаклин.

Жозетт говорит девочке:

— Я знаю. Твоего папу зовут Жаклин, твою маму зовут Жаклин, твоего брата зовут Жаклин, твою куклу зовут Жаклин, твоего дедушку зовут Жаклин, твою деревянную лошадку зовут Жаклин, дом называется Жаклин, твой горшочек называется Жаклин...

Тогда бакалейщик, жена бакалейщика, мама другой девочки и все покупатели в магазине поворачиваются к Жозетт и начинают смотреть на нее выпученными от ужаса глазами.

— Это ничего, — спокойно говорит уборщица. — Не беспокойтесь. Это глупые истории, которые рассказывает ей отец.

Вторая сказка для детей моложе трех лет

Этим утром, как всегда, Жозетт стучит в дверь родительской спальни. Папа не очень хорошо спал. Мама уехала на несколько дней в деревню. Поэтому папа воспользовался ее отъездом, чтобы наесться колбасы, выпить пива, наесться свиного паштета и многих других вещей, которые мама не позволяет ему есть из-за того, что это вредит его здоровью. Поэтому сейчас у папы боли в печени, резь в желудке, головная боль, и он предпочел бы, чтобы его не будили.

Но Жозетт продолжает стучать в дверь. Поэтому папа говорит, чтобы она вошла. Она входит и подходит к папе. Мама уехала. Жозетт спрашивает:

— Где мама?

Папа отвечает:

— Твоя мама отправилась в деревню к своей маме отдохнуть.

Жозетт спрашивает:

— К бабушке?

Папа отвечает:

— Да, к бабушке.
— Напиши маме, — говорит Жозетт. — Позвони маме, — говорит Жозетт.
Папа говорит:
— Мы не должны звонить.
А потом папа говорит сам себе:
— Потому что она, может быть, где-нибудь еще...
Жозетт говорит:
— Расскажи мне историю, в которой ты и мама, и я.
— Нет, — говорит папа. — Я собираюсь работать. Я собираюсь встать и одеться.
И папа встает. Он надевает поверх пижамы свой красный купальный халат, он обувает свои «хлюпанцы»/«скользанцы» и идет в ванную. Он закрывает дверь ванной. Жозетт у двери ванной. Она колотит кулачками, она вопит. Жозетт говорит:
— Открой дверь.
Папа говорит:
— Я не могу, я абсолютно голый, я моюсь, а потом я собираюсь бриться.
Жозетт говорит:
— И ты делаешь номер один и номер два.
— Я моюсь, — говорит папа.
Жозетт говорит:
— Ты моешь лицо, ты моешь плечи, ты моешь руки, ты моешь спину, ты моешь попу, ты моешь ноги.
— Я брею бороду, — говорит папа.
— Ты бреешь бороду с мылом, — говорит Жозетт. — Я хочу зайти и посмотреть.
Папа говорит:
— Ты не можешь на меня посмотреть, потому что я уже не в ванной.
Жозетт говорит (из-за двери):
— Ну и где же ты?
Папа отвечает:
— Я не знаю. Иди и посмотри. Может быть, я в столовой. Иди, поищи меня.
Жозетт бежит в столовую, и папа начинает мыться. Жозетт бежит в столовую на своих коротких ножках. Папа остается в покое, но ненадолго. Жозетт возвращается к двери ванной и смеется через дверь. Жозетт говорит:
— Я тебя искала. Ты не в столовой.
Папа говорит:
— Ты недостаточно хорошо искала. Иди, поищи под столом.
Жозетт снова идет в столовую, потом возвращается. Она говорит:
— Ты не под столом.
Папа говорит:
— Ну тогда иди, поищи в комнате. Ищи внимательно и проверь, нет ли меня на стуле, на кушетке, за книгами или на окне.
Жозетт уходит. Папа остается в покое, но ненадолго. Жозетт возвращается. Она говорит:
— Нет, ты не на стуле, ты не на окне, ты не на кушетке, ты не за книгами, ты не в телевизоре, ты не в комнате.
Папа говорит:
— Ну тогда иди, посмотри не на кухне ли я.
Жозетт бежит на кухню. Папа остается в покое, но ненадолго. Жозетт возвращается. Она говорит:
— Ты не на кухне.
Папа говорит:
— Хорошенько посмотри под кухонным столом, проверь не в буфете ли я, проверь не в кастрюлях ли я, проверь не в духовке ли я вместе с курицей.

Жозетт уходит и возвращается. Папа не в духовке, папа не в кастрюлях, папа не в буфете, папа не под матрасом, папа не в карманах своих штанов, единственное, что есть в карманах его штанов — это носовой платок. Жозетт возвращается к двери ванной. Жозетт говорит:

— Я всюду искала, но я не могу тебя найти. Где ты?

Папа говорит:

— Я здесь.

И папа, у которого было время помыться, побриться и одеться, открывает дверь. Он говорит:

— Вот и я.

Он берет Жозетт на руки, и как раз в этот момент открывается входная дверь, и там мама. Жозетт спрыгивает с папиных рук и кидается на руки к маме. Она целует ее и говорит:

— Мама, я искала папу под столом, в унитазе, под ковром, за зеркалом, на кухне и в помойном ведре, но его там не было.

Папа говорит маме:

— Я рад, что ты вернулась. Хорошо в деревне? Как твоя мать?

Жозетт говорит:

— Как бабушка? Мы поедem к ней?

Третья сказка для детей моложе трех лет

Однажды утром Жозетт стучит в дверь родительской спальни, чтобы разбудить родителей, как за день до этого и как всегда. Ее мама уже проснулась, она уже приняла ванну. Она пошла спать рано и хорошо выспалась. Папа все еще спал, потому что он ходил в ресторан, потом в кино, и потом снова в ресторан, и потом на кукольное представление, и потом снова в ресторан (сам по себе). И теперь он хотел спать, потому что он сказал, что воскресенье и поскольку по воскресеньям папы не должны идти работать и не должны идти ловить машину для поездки за город, потому что зима и все дороги во льду.

На дорогах лед. Так сказала радио. Но в Париже нет льда. В Париже довольно приятный день. Над домами несколько облаков, но есть также и синее небо над деревьями на бульваре.

Жозетт подходит к папе; она щекочет ему нос; папа делает гримасу и она его целует; папа думает, что это собачка. Это не собачка; это его девочка.

— Расскажи мне историю, — говорит Жозетт папе.

И папа начинает историю.

— Историю про тебя и про меня, — говорит Жозетт.

И папа рассказывает историю про Жозетт и ее папу.

Вот папина история. Он говорит Жозетт:

— Мы собираемemся покататься на аэроплане. Я собираюсь надеть на тебя твои носки и твои трусики, и твою юбочку, и твою фланелевую фуфайку, и твой розовый свитер.

Жозетт: «Нет, не этот».

Папа: «Ну тогда этот, белый».

Жозетт: «Да, белый».

Папа: «Я собираюсь надеть на тебя белый свитер. Потом я собираюсь надеть на тебя твою маленькое пальтишко и твои рукавички. Ах, я забыл твои ботинки. Я собираюсь надеть на тебя твою шапочку. Я собираюсь вылезти из постели, одеться и взять тебя за руку. Вот увидишь. Мы постучим в дверь ванной. Мама спросит: "Куда вы идете, милые?"»

Жозетт: «Я иду кататься на аэроплане с папой».

«Мама скажет: "На здоровье, милые. Будьте умничками, будьте осторожны. Если вы отправляетесь на аэроплане, нужно следить, чтобы Жозетт не высовывалась из окна. Это опасно. Она может упасть в Сену или на крышу соседки и ушибить попку или получить

шишку на лбу"».

Папа говорит: «До свиданья, мама».

Жозетт говорит: «До свиданья, мама».

«Папа говорит: "Мы дойдем до конца коридора, а потом свернем направо. Там коридор не темный. Там светло от окна комнаты слева. Потом мы дойдем до кухни, где Жаклин готовит обед. Мы ей скажем: 'До свиданья, Жаклин'"».

Жозетт: «До свиданья, Жаклин».

«Жаклин скажет: "Куда вы отправляетесь, сударь? Куда ты отправляешься с папой, Жозетт?"»

Жозетт: «Мы отправляемся кататься. Мы собираемся подняться на аэроплане. Мы отправляемся прямо на небо».

«Жаклин скажет: "Следите за Жозетт, когда вы подниметесь, сударь. Она не должна высовываться из окна. Это опасно. Она может упасть. Она может получить шишку на лбу, если упадет на соседскую крышу. Или она может зацепиться за ветви дерева своими трусиками. Нам придется снимать ее с лестницей"».

Жозетт: «Нет, я буду очень осторожной».

Папа: «Тогда я возьму ключ и открою дверь».

Жозетт: «Ты вставишь ключ в замочную скважину».

Папа: «Я открываю дверь, я закрываю дверь, я не хлопаю дверь, я закрываю дверь осторожно, я вхожу с тобой в лифт, я нажимаю кнопку...»

Жозетт: «Нет, я нажму кнопку. Возьми меня на руки, потому что я слишком маленькая».

Папа: «Я беру тебя на руки. Ты нажимаешь кнопку. Лифт опускается, чтобы потом он мог подняться. Мы едем вниз на первый этаж. Мы выходим из лифта. Консьержка подметает».

Жозетт: «Доброе утро, мадам».

Папа: «Тогда консьержка говорит: "Доброе утро, месье; доброе утро, милочка. О, какая она хорошенькая этим утром, в своем хорошеньком пальтишке, в своих хорошеньких ботиночках, в своих хорошеньких рукавичках, о, какие у нее маленькие ручки..."»

Жозетт: «И моя шапочка...»

«Консьержка говорит: "Куда вы идете, так разодетые? Вы идете на прогулку?"»

Жозетт: «Кататься на аэроплане».

Папа: «Тогда консьержка нам говорит: "Будьте осторожны. Вы не должны позволять вашей девочке высовываться из окна в аэроплане, месье, потому что она может упасть..."».

Жозетт: «И ушибить попку о соседкину крышу или получить шишку на лбу...»

Папа: «Или на носу. Поэтому консьержка нам говорит: "Всего хорошего". Мы выходим на улицу. Мы встречаем маму Мишо и проходим мясную лавку с телячьими головами».

Жозетт (закрывая глаза): «Я не хочу смотреть. Плохой мясник».

Папа: «Да, если мясник убьет еще одного теленка, я убью мясника. Мы доходим до угла улицы, мы переходим улицу, берегись машин. Мы переходим другую улицу и подходим к автобусной остановке. Вот и автобус, мы на него садимся».

Жозетт: «Он останавливается и едет, останавливается и едет...»

Папа: «И вот мы в Аэропорту. Мы садимся на аэроплан и он все поднимается и поднимается. Как моя рука... vrrrr... vrrrr...»

Жозетт: «Он поднимается и поднимается, vrrrr... vrrrr...»

Папа: «Мы смотрим в окно».

Жозетт: «Мы не должны высовываться».

Папа: «Не бойся, я тебя держу. Смотри на улицы там внизу. Там наш дом, а вот дом соседки».

Жозетт: «Я не хочу упасть на его крышу...»

Папа: «Ты видишь улицу, машины там внизу; они все очень маленькие; ты видишь Ворота Сен-Клу, Венсанский лес, зоопарк с животными».

Жозетт: «Привет, животные».

Папа: «Смотри — лев; слышишь — он гррр... гррр...»

И папа показывает, что делает лев своими когтями, и грозно рычит.

Жозетт: «Нет, не делай так, ты не лев, правда? Ты папа, ты не лев».

Папа: «Нет, я не лев. Я папа. Я только притворялся, чтобы тебе показать».

Жозетт: «Нет, больше так не делай».

Папа: «И вот аэроплан все поднимается и поднимается...»

Жозетт: «Он поднимается и поднимается...»

Папа: «И видно деревню».

Жозетт: «Мельницы».

Папа: «Да, видно мельницу в Шапель-Антенез и Мари на скотном дворе...»

Жозетт: «Уток...»

Папа: «Реку...»

Жозетт: «Рыбка плавает в воде; нельзя есть рыбку».

Папа: «Нет, ты не ешь хорошую рыбку, только плохую. Плохая рыба ест хорошую рыбку. Поэтому тебе приходится есть плохую рыбу».

Жозетт: «Но не хороших рыбок».

Папа: «Нет, не хороших, только плохих. А вот видно дядю Робера и луга, и девочку дяди Робера».

Жозетт: «Она плохая девочка; она пачкает мое платье своими грязными ботинками».

Папа: «А теперь видно замок мэра. И церковь с колокольней».

Жозетт: «Динг, донг, динг, донг...»

Папа: «А теперь видно кюре на самой вершине колокольни».

Жозетт: «Осторожно, он сейчас упадет...»

Папа: «Нет, он привязан веревкой. Он поднялся на колокольню, чтобы помахать нам платком. Мэр и жена мэра, и жена кюре тоже на колокольне».

Жозетт: «Неправда».

Папа: «Да, неправда, у кюре нет жены. И вот мы поднимаемся выше, и выше, и выше... теперь мы в облаках, а теперь над облаками, и небо все синее и синее, и вот только синее небо, а внизу земля как мяч, и вот мы уже на Луне. Мы гуляем по Луне. Мы голодные. Мы собираемся съесть кусок Луны».

Жозетт: «Я ем кусок Луны. Он вкусный, он очень вкусный».

И Жозетт дает папе кусок Луны. Они оба едят кусок Луны.

Папа: «Вкусно. Это дыня».

Жозетт: «Давай посыпем ее сахаром».

Папа: «Только тебе, мне не надо. У меня диабет. Не съешь всю Луну, надо оставить немного другим людям. Ничего — опять отрастет. Теперь мы опять садимся на аэроплан и поднимаемся еще выше. Выше и выше».

Жозетт: «Выше и выше».

Папа: «Мы добрались до Солнца. Сейчас прогуляемся по Солнцу. О, здесь жарко. На Солнце всегда лето».

Жозетт: «Да, жарко, очень жарко».

Папа: «Возьми платок и вытри лоб. Идем, мы полетим обратно на аэроплане. Боже мой, где аэроплан? Он расплавился... ничего, мы спустимся пешком. Надо спешить; мы далеко от дома. Нам надо попасть домой к обеду, иначе мама нам задаст. Здесь нам очень тепло на Солнце, но если мы опоздаем, то обед остынет».

Как раз в этот момент мама входит в комнату.

— Ну-ка, вылезай из постели и одевайся.

И еще мама говорит папе:

— Ты разрушаешь ее сознание своими глупыми историями.

Четвертая сказка для детей моложе трех лет

Этим утром Жозеттин папа встал рано. Он хорошо выспался, потому что прошлым вечером не ходил в ресторан есть кислую капусту, а также не ходил ни в театр, ни на кукольное представление, ни на ярмарку есть луковый суп. Дома он тоже не ел кислой капусты. Доктор не велел ему. Папа был на диете. И из-за того, что вечером он был очень голодным, он очень рано пошел спать, ведь сказано, что сон — тот же ужин.

Жозетт постучала в дверь родительской комнаты. Мама ушла, ее не было в кровати. Может быть, она была под кроватью или в большом шкафу, но шкаф был заперт. Жозетт не видела маму. Жаклин сказала Жозетт, что мама ушла рано потому, что она тоже очень рано пошла спать: она не ходила в ресторан, а также на кукольное представление или в театр; она также не ела кислую капусту.

Уборщица Жаклин сказала Жозетт, что ее мама только что вышла со своим розовым зонтиком, в своих розовых перчатках, в розовых туфельках и в розовой шляпке с цветами, со своей розовой сумочкой с зеркальцем внутри, в своем хорошеньком платье с цветами, в своем хорошеньком пальто с цветами, в своих хорошеньких чулках с цветами, с прекрасным букетом цветов в руке, потому что мама очень стильная и у нее прекрасные глаза, как два цветка. У нее ротик как цветок. У нее очень маленький розовый носик, как цветок. У нее волосы как цветы, и у нее цветы в волосах.

Потом Жозетт идет к своему папе в кабинет. Папа звонит по телефону. Он курит и говорит по телефону/в телефон. Он говорит:

— Алло, алло, это вы? Я же сказал, никогда мне больше не звонить. Вы мне мешаете, я не могу терять ни секунды.

Жозетт говорит папе:

— Ты говоришь по телефону?

Папа вешает трубку. Он говорит:

— Это не телефон.

Жозетт отвечает:

— Нет, это телефон. Мама мне говорила. И Жаклин мне говорила.

Папа отвечает:

— Мама и Жаклин ошибаются. Мама и Жаклин не знают, как это называется. Это называется «сыр».

— Это называется «сыр»? — говорит Жозетт. — Тогда люди могут подумать, что это сыр.

— Нет, — говорит папа. — Потому что сыр не называется «сыр», он называется «музыкальная шкатулка». А музыкальная шкатулка называется «ковер». Ковер называется «лампа». Пол называется «потолок», а потолок называется «пол». Стена называется «дверь».

И папа учит Жозетт правильным значениям слов. Стул — это окно. Окно — это ручка. Подушка — это хлеб. Хлеб — это коврик у кровати. Ноги — это уши. Руки — это ноги. Голова — это задница. А задница — это голова. Глаза — это пальцы. Пальцы — это глаза.

Тогда Жозетт начинает говорить в том духе, в котором научил ее папа. Она говорит:

— Когда я ем подушку, я смотрю сквозь стул. Я открываю стену и иду на ушах. У меня десять глаз, чтобы ходить, и два пальца, чтобы смотреть. Я сижу головой на потолке. Когда я съела музыкальную шкатулку, я положила джем на кроватьный коврик и хорошо закусил. Сядь на окно, папа, и рисуй мне картинку.

Что-то смущает Жозетт.

— Как называются картинки?

Папа отвечает:

— Картинки? Как называются картинки? Не говори «картинки», надо говорить «картинки».

Жаклин входит. Жозетт бежит к ней и говорит ей:

— Знаешь что, Жаклин? Картинки — не картинки, они — картинки.

Жаклин говорит:

— А, еще одна глупая история твоего папы. Конечно, милочка, картинки не называются картинками; они называются картинками.

Тогда папа говорит Жаклин:

— Это именно то, что Жозетт сказала вам.

— Нет, — говорит Жаклин. — Она сказала совсем наоборот.

— Нет, — говорит папа Жаклин. — Это вы сказали наоборот.

— Нет, это вы.

— Нет, это вы.

— Вы оба говорите одно и то же, — говорит Жозетт.

И в это время мама входит, словно цветок с букетом цветов, в своем цветастом платье, со своей цветастой сумочкой, в своей шляпке с цветами, с глазами как цветы, с ротиком как цветок.

— Где ты была так рано утром? — спрашивает папа.

— Собирала цветы, — говорит мама.

И Жозетт говорит:

— Мама, ты открыла стену.

Фотография ПОЛКОВНИКА

Я пошел взглянуть на этот прекрасный квартал с его белыми домами, вокруг которых цвели сады. Широкие улицы были усажены деревьями. Новые, сверкающие машины стояли у ворот. Небо было чистое, залитое голубым светом. Я снял плащ, перекинул его через руку.

-- Таково правило,-- сказал мне мой спутник, муниципальный архитектор,--здесь всегда хорошая погода. Поэтому участки стоили очень дорого, виллы строили из лучших материалов. Это квартал зажиточных, веселых, здоровых, приятных людей.

-- В самом деле... Здесь, я, смотрю, на деревьях уже распустились листья, создавая приятную тень, которая не затемняет фасады домов, а в других районах города небо серое, как волосы у старухи, дует ветер, у тротуаров -- слежавшийся снег. Сегодня утром я проснулся от холода. Странно, сейчас я как будто оказался в разгаре весны, словно перенесся на тысячу километров на юг. Когда летишь на самолете, кажется, что мир преобразается. Но сначала надо доехать до аэродрома, потом лететь часа два или больше, чтобы увидеть, как мир превращается, скажем, в Лазурный берег. А здесь -- я всего лишь немного проехал на трамвае. Путешествие, которое толком и не было путешествием, имело место прямо на месте, если вы простите мне эту неудачную игру слов, к тому же невольную,-- сказал я с улыбкой, одновременно тонкой и вымученной.-- Как такое возможно? Или этот район как-то защищен? Хотя вокруг нет холмов, которые укрывали бы его от непогоды. К тому же холмы не спасают от туч, от дождя, это всякий знает. Может быть, здесь существуют какие-то теплые светящиеся потоки воздуха, направленные снизу вверх или сверху вниз? Но об этом, наверное, было бы известно. И ветра никакого нет, но воздух свежий. Странно.

-- Это просто-напросто маленький островок,-- ответил городской архитектор,-- оазис. Такие часто встречаются в пустынях, где среди выжженных песков вы вдруг видите удивительные города, в цветущих розах, окруженные источниками, реками.

-- Ах да, верно. Вы говорите о городах, которые называются миражами,--сказал я, чтобы блеснуть эрудицией.

Какое-то время мы гуляли по парку с небольшим прудом в центре. Потом снова -- виллы, особняки, сады, цветы. Так мы прошли около двух километров. Царило полное, умиротворяющее спокойствие, может быть, даже излишне умиротворяющее. Становилось тревожно.

--Почему никого не видно на улицах?--спросил я.--Мы единственные прохожие. Сейчас ведь час обеда, все дома. Почему, однако, не слышно смеха, звяканья бокалов? Почему так тихо? И все окна закрыты!

Мы как раз подошли к двум заброшенным строительным площадкам. Возведенные лишь наполовину здания белели среди зелени деревьев, ожидая строителей.

-- Очаровательно,-- заметил я.-- Если бы у меня были деньги--увы, я зарабатываю слишком мало,--я бы купил здесь участок земли, скоро здесь уже был бы готов дом, и мне не пришлось бы больше жить среди несчастных, в грязном пригороде с зимними, грязными, пыльными, фабричными улицами. Здесь так приятно пахнет,--и я наполнил легкие сладким и крепким воздухом.

Мой спутник нахмурился.

-- Строительство приостановила полиция. Все равно никто не покупает квартир. Жители квартала хотели даже уехать отсюда. Но им больше негде жить. Если бы не это, они давно бы уже собрали вещички. А может быть, для них не, уезжать -- теперь вопрос чести. Они предпочитают оставаться, прячась в своих роскошных квартирах. На улицу они выходят лишь в случае острой необходимости, группами по десять -- пятнадцать человек. И все равно опасность остается.

-- Вы шутите! Почему у вас такой серьезный вид? Вы омрачаете такой прекрасный день -- вы хотите меня напугать?

-- Уверяю вас, я не шучу.

Я почувствовал, что у меня сжалось сердце. Внутри меня будто наступила ночь. Прекрасный пейзаж, с которым я слился, который уже был частью меня или частью которого был я, отделился, отдалился от меня, стал всего лишь картиной в раме, мертвым предметом. Я почувствовал себя совершенно одиноким, выброшенным в безжизненную пустоту.

-- Объяснитесь,-- взмолился я.-- Я надеялся провести приятный день!.. Еще несколько мгновений назад я был так счастлив!..

Мы вновь подошли к пруду.

-- Это здесь,--сказал мне муниципальный архитектор,--здесь находят каждый день двух-трех утопленников.

-- Утопленников?

-- Пойдите убедитесь, что я не преувеличиваю. Приблизившись к краю пруда, я действительно увидел на поверхности воды раздувшийся труп офицера инженерных войск и маленькое тело пяти-шестилетнего мальчика с палочкой для серсо, зажатой в руке.

-- Сегодня их трое,-- пробормотал мой проводник, указывая пальцем.--Вон там.

Рыжие волосы, которые я на секунду принял за водоросли, поднимались со дна.

-- Какой ужас! Это женщина?

-- Очевидно,-- сказал он, пожимая плечами.-- Тот -- мужчина, а там ребенок. Больше мы ничего не знаем.

-- Это, наверное, мать малыша... Бедняги! Кто это сделал?

-- Убийца. Все тот же. Неуловимый.

-- Но наша жизнь в опасности! Уйдем отсюда,--вскричал я.

-- Со мной вам ничего не грозит. Я городской архитектор, муниципальный чиновник; на представителей властей он не нападает. Когда я уйду на пенсию, тогда другое дело, но пока...

-- Давайте уйдем,-- сказал я.

Быстрыми шагами мы отошли от водоема. Мне не терпелось покинуть прекрасный квартал. "Богатые не всегда счастливы, -- подумал я. Меня охватила невыразимая тоска. Я почувствовал себя разбитым, изможденным, я осознал тщетность существования.--Для чего все, если в конце тебя ждет такое?"

-- Вы надеетесь арестовать его до выхода на пенсию? -- спросил я.

-- Это нелегко!.. Можете мне поверить, мы делаем все что в наших силах,-- ответил он с мрачным видом. Затем добавил: -- Не сюда. Так вы заблудитесь, будете все время ходить кругами, возвращаясь на одно и то же место.

-- Ведите меня!.. Ах, как прекрасно начался день. Теперь утопленники всегда будут у меня перед глазами, я никогда не смогу забыть эту картину!

-- Я не должен был вам показывать...

-- Нет уж, лучше знать все, лучше знать все... Через несколько минут мы были у выхода из квартала, возле начала Кольцевого бульвара. На остановке трамвая, который идет через весь город, стояли люди и ждали. Небо было мрачным. Я заоченел. Я надел плащ, повязал на шею платок. Шел тонкий дождь пополам со снегом. На тротуаре были лужи.

-- Вы не сразу домой? -- спросил меня комиссар (так я узнал, что он был еще и комиссаром полиции).-- Выпьем по рюмочке?..

К нему, казалось, вернулось веселое расположение духа. Ко мне -- нет.

-- Рядом с остановкой, в двух шагах от кладбища, есть бистро, кроме того, там еще венки продают.

-- Знаете, я не испытываю ни малейшего желания...

-- Не расстраивайтесь. Если думать о всех несчастьях человечества, жить не захочется. Всегда где-то убивают детей, умирают с голоду старики, есть вдовы, сироты, умирающие...

-- Да, господин комиссар, но увидеть все это вблизи, собственными глазами... я не могу оставаться безразличным.

-- Вы слишком впечатлительны,-- ответил мой спутник, крепко хлопнув меня по плечу. Мы вошли в бистро.

-- Сейчас постараемся вас утешить!.. Два пива! -- скомандовал он.

Мы уселись возле окна. Толстый бармен в жилетке, с закатанными рукавами рубашки, из-под которых были видны волосатые руки, подошел к нам.

-- Для вас у меня есть настоящее пиво! Я полез в карман за деньгами.

-- Оставьте, оставьте,-- сказал комиссар,-- я угощаю. Я все еще не мог прийти в себя.

-- Если бы у вас был хотя бы его словесный портрет!

-- У нас есть описание его внешности. По крайней мере, мы знаем, как он выглядит, когда нападает. Его портрет расклеен на всех стенах.

-- Откуда у вас его портрет?

-- Нашли у утопленников. Некоторые из его жертв, которых на несколько мгновений удалось вернуть к жизни, смогли даже, в предсмертной агонии, сообщить нам дополнительные сведения. Мы знаем, как он действует. В квартале это все, кстати, знают.

-- Тогда почему они не проявляют осторожность? Надо лишь избегать его.

-- Это не так просто. Говорю вам, каждый вечер два-три человека попадают в его ловушку. Но мы никак его не поймаем.

-- Не понимаю.

Я с удивлением заметил, что все это, похоже, забавляет архитектора.

-- Смотрите,-- сказал он,-- убийца встречает своих жертв там, на остановке трамвая. Когда пассажиры выходят, чтобы идти домой, он, прикинувшись нищим, подбегает к ним, хнычет, просит милостыню, пытается их разжалобить. Обычные дела: он только что вышел из больницы, работу ищет, но найти не может, ночевать негде. Это лишь начало. Он ищет добрую душу. Находит, затевает разговор -- и уже не отстает. Предлагает купить всякую мелочь из своей корзинки: искусственные цветы, ножницы, непристойные миниатюры,-- все что угодно. Обычно он получает отказ, добрая душа спешит, у нее нет времени. Торгуясь и споря, они в конце концов подходят к уже известному вам пруду. И тогда он наносит неотразимый удар: предлагает посмотреть фотографию полковника. Это действует безотказно. К тому времени уже темнеет, и жертва наклоняется над фотографией, чтобы разглядеть полковника получше. В этот момент ей и конец. Преступник пользуется тем, что жертва погружена в разглядывание снимка, толкает ее в пруд -- и дело сделано. Ему остается лишь найти себе новую жертву.

-- Непонятно. Все про него знают -- и все равно попадают.

-- Что вы хотите -- это же ловушка. И очень хитрая. Его никак не удастся поймать.

Я машинально посмотрел на остановку. Как раз подъехал трамвай, пассажиры начали выходить, но никакого нищего я не заметил.

-- Вы не увидите его,-- сказал комиссар, угадав мои мысли.-- Он не покажется, он знает, что мы рядом.

-- Может быть, следовало бы установить здесь пост, пусть дежурит инспектор в штатском.

-- Это невозможно. У наших инспекторов и так слишком много работы. К тому же им бы тоже захотелось посмотреть фотографию полковника. Мы попробовали -- пять человек уже утонули. Ах! Если бы мы знали, где его найти!

Я покинул своего спутника, не забыв поблагодарить его за то, что он сопровождал меня по кварталу и так любезно рассказал мне об этих ужасных преступлениях. Увы, его

захватывающие откровения не появятся ни в одной газете: я не репортер и никогда не выдавал себя за журналиста. Комиссар-архитектор добровольно поделился со мной сведениями, которые вызвали во мне глухое отчаяние. Домой я пришел с ощущением невыразимой тоски.

Дома, в атмосфере вечной осени, меня ждал Эдуар -- в мрачной -- днем электричество отключают -- гостиной с низким потолком. Он сидел на сундуке около окна -- худой, одетый во все черное, с бледным и печальным лицом, горящими глазами. Лихорадка у него, очевидно, еще не кончилась. Он заметил, что я угнетен, спросил меня почему. Я хотел все ему подробно рассказать, но он меня прервал с первых же слов:

все это ему известно, сказал он своим дрожащим, почти детским голосом. Он удивился, что я раньше ничего не слышал. Весь город в курсе. Поэтому он ничего мне и не говорил. Все это знали, все к этому привыкли. Хотя и негодовали, разумеется.

-- Еще бы! -- ответил я.

Я, со своей стороны, не мог скрыть удивления тем, что он совсем не потрясен моим рассказом. Хотя, может быть, я несправедлив, может быть, все дело в его болезни, у него же туберкулез. Чужая душа -- потемки.

-- Пройдемся немного,-- предложил он.-- Я жду вас уже целый час. Здесь так холодно. На улице наверняка теплее.

Я был выбит из колеи, устал и предпочел бы лечь, но согласился выйти прогуляться.

Он встал, надел фетровую шляпу с черным крепом, плащ стального цвета, взял свой тяжелый, набитый портфель--и выронил его, не успев сделать и шагу. Из кармана портфеля выпали фотографии полковника в парадной форме -- усатого полковника с приятным, даже несколько трогательным лицом. Мы положили портфель на стол, чтобы легче было все уложить, и нашли там еще сотни таких же фотографий.

-- Что это значит? -- спросил я.-- Это же та самая фотография, знаменитая фотография полковника! Она у вас, а вы мне никогда не говорили!

-- Я редко заглядываю в портфель,-- ответил он.

-- Но это же ваш портфель, вы с ним никогда не расстаетесь!

-- Это не причина, чтобы все время в нем копаться.

-- Тем более, давайте воспользуемся случаем и посмотрим, что там еще есть.

Он засунул руку, слишком белую, как у больного, с кривыми пальцами в другой карман огромного черного портфеля. И вытащил -- как все это там могло поместиться? -- немыслимое количество искусственных цветов, непристойных картинок, конфет, копилки, детских часов, булавок, пеналов, картонных коробочек, не знаю чего еще, целую кучу сигарет. "Сигареты -- мои", -сказал он. На столе уже почти не оставалось свободного места.

-- Но это же вещи того чудовища! -- вскричал я.-- И они у вас в портфеле!

-- Я и не подозревал.

-- Высыпайте все!

Он продолжал вываливать вещи на стол. Визитные карточки с именем и адресом преступника, его удостоверение с фотографией, затем, в маленькой коробке,--листочки бумаги с именами всех жертв, дневник с подробными признаниями, точным планом действий, изложение его кредо, доктрины.

-- У вас здесь все необходимые улики! Мы можем добиться его ареста.

-- Я не знал,-- пробормотал он,-- я не знал...

-- Вы могли спасти столько жизней,--упрекнул его я.

-- Я в смятении. Я не знал. Я никогда не знаю, что у меня есть, я не заглядываю в портфель.

-- Это предосудительная небрежность,-- сказал я.

-- Прошу прощения. Я в отчаянии.

-- Но, Эдуар, эти предметы не могли сами попасть в ваш портфель. Вы их нашли? Вам их дали?

Мне стало его жалко. Он весь покраснел от стыда.

-- Ах да! -- вскричал он через несколько секунд.-- Вспомнил! Преступник давным-давно прислал мне свой дневник, свои записки, признания--с просьбой опубликовать их в каком-нибудь литературном журнале. Это было еще до всех этих убийств. Я совсем забыл. Думаю, он не собирался тогда совершать преступления, он, должно быть, лишь позже решил претворить в жизнь свои идеи. Я же принял их за чистый бред, за научную фантастику, не придавал им ни малейшего значения. Я сожалею, что не подумал как следует, что не соотнес документы с реальными событиями.

-- Но связь очевидна -- как любая связь между намерением и поступком, не больше и не меньше.

Он извлек из портфеля большой конверт. В нем лежала карта, очень подробный план, на котором с точностью до минуты было указано, где в какой момент находится преступник.

-- Все очень просто,-- сказал я.-- Сообщим полиции, им останется лишь забрать его. Поторопимся, префектура закрывается засветло. Когда стемнеет, там уже никого не найдешь, а не сегодня завтра он может изменить свои планы. Надо найти архитектора и показать ему улики.

-- С удовольствием,-- ответил Эдуар безразличным голосом.

Мы выбежали из квартиры, в коридоре натолкнулись на консьержку. "Вы могли бы..." -- крикнула она. Окончания фразы мы не услышали.

На проспекте, запыхавшись, мы замедлили шаг. Справа, сколько мог окинуть взор, простирались возделанные поля. Слева шли городские постройки. Прямо впереди заходящее солнце в пурпур красило небо. По обеим сторонам проспекта изредка попадались иссохшие деревья. Прохожих было мало.

Мы шагали по трамвайным путям (разве трамвай уже не ходил?), которые исчезали далеко, за горизонтом.

Три или четыре неизвестно откуда взявшихся военных грузовика перегородили дорогу. Они заблокировали проезжую часть, которая в этом месте была немного выше уровня тротуара.

Мы с Эдуаром вынуждены были остановиться, к счастью, это позволило мне заметить, что у моего друга нет портфеля.

-- Куда вы его дели? Я думал, он у вас!

Он был ошеломлен. В спешке он забыл портфель дома.

-- Без улик у комиссара делать нечего! О чем вы думали? Вы невыносимы! Бегите за портфелем. Я должен идти дальше, надо хотя бы предупредить комиссара, чтобы он не ушел. Живее, торопитесь, постарайтесь догнать меня. Префектура уже недалеко. Мне не улыбается оставаться одному на улице. Вы же понимаете, это очень неприятно.

Эдуар ушел. Мне было страшновато. Тротуар в этом месте был еще ниже, и, чтобы подняться на уровень проезжей части, надо было преодолеть четыре высокие ступеньки. Я поровнялся с одним из грузовиков -- остальные стояли чуть дальше. Борта его были опущены, на скамейках внутри, тесно прижавшись друг к другу, сидели человек сорок молодых солдат в темно-зеленой форме. Один из них держал в руке большой букет красных гвоздик. Он им обмахивался, как веером.

Появились полицейские, принялись наводить порядок на дороге. Молодцы! -- а то образовавшаяся пробка мне мешала. Они были огромного роста. Когда кто-нибудь из них взмахивал дубинкой, она поднималась выше ближайшего дерева.

Седой прохожий -- скромно одетый, в шляпе, низко надвинутой на голову, казавшийся совсем маленьким рядом с громадным полицейским,-- что-то очень, очень вежливо, униженно спросил. Не переставая регулировать движение, полицейский грубо и коротко что-то ответил пенсионеру (который, однако, по возрасту--если не по росту--вполне годился ему в отцы). Пенсионер, то ли он был глуховат, то ли просто не расслышав, повторил свой вопрос. Регулировщик выругался, отвернулся и принялся снова свистеть.

Поведение полицейского меня шокировало. Ведь он обязан быть вежливым с людьми, так наверняка записано в его должно-[...]* фом, архитектором",-подумал я. Мы сами порой

слишком вежливы, слишком робки с полицейскими, это наша вина, что у них выработались дурные манеры.

Второй полицейский, такой же здоровенный, как первый, подошел по тротуару к грузовику с солдатами. Пробка на улице его явно раздражала, и, признаться, его можно было понять. Он был такой высокий, что ему не понадобилось подниматься по ступенькам на проезжую часть. Он грубо отругал военных за то, что они мешают движению, хотя они были совершенно ни при чем, и особенно -- молодого солдата с красными гвоздиками, который уж тем более был ни в чем не виноват.

-- Вам что -- больше заняться нечем? -- спросил он.

-- Я никому не мешаю, господин полицейский,--тихим, робким голосом ответил солдат.-- Не я же остановил машину.

-- Негодяй! Из-за твоего букета мотор и не заводится! -- не унимался полицейский и дал солдату пощечину. Тот не сказал ни слова. Тогда полицейский вырвал у него букет и отбросил далеко в сторону.

Я расвирепел. Страна катится в пропасть, если полиция командует армией.

-- Вы что лезете не в свое дело? -- спросил полицейский, повернувшись ко мне.

А ведь я ничего не говорил. Должно быть, мои мысли было нетрудно угадать.

-- И вообще, что вы здесь делаете?

Я объяснил ему, в чем дело, и попросил совета и помощи.

-- У меня в руках все необходимые доказательства, убийцу можно арестовать. Я должен добраться до префектуры. А идти еще далеко. Может быть, меня кто-нибудь проводит? Я друг комиссара, архитектора.

-- Это не мое дело. Я регулировщик.

-- И все же...

-- Не моя это работа, понимаете? Ваша история меня не волнует. Раз вы приятель шефа, так и идите к нему, а меня оставьте в покое. Куда идти, знаете? Вот и катитесь.

-- Хорошо, господин полицейский,-- вежливо, хотя и через силу, ответил я.-- Хорошо, господин полицейский.

-- Дай пройти господину,-- с грубой иронией в голосе сказал полицейский своему коллеге, стоявшему у дерева.

Тот знаком показал мне, что я могу пройти. Когда я с ним поровнялся, он с ненавистью прошипел:

-- Ненавижу вас! -- хотя, по идее, я должен был сказать это. Вскоре я оказался совершенно один на пустой улице, грузовики остались далеко позади. Я спешил и шел прямо по направлению к префектуре. Смеркалось, ветер свежел, мне было беспокойно. Успеет ли Эдуар? И я все не мог успокоиться после встречи с полицейскими: они только и знают, что действовать на нервы да выговаривать, но когда они вам по-настоящему нужны, когда речь идет о вашей безопасности... и не только о вашей!-- их не дозовешься!

Слева, домов больше не было. С обеих сторон -- серые поля. Эта дорога, или проспект, с трамвайными рельсами все не кончалась. Я шагал, шагал: лишь бы не опоздать, лишь бы не опоздать!

Внезапно он предстал передо мной. Никаких сомнений -- это был убийца. Кругом лишь уснувшие просторы. Ветер погнал по дороге старую газету. В нескольких сотнях метров за спиной убийцы на фоне заходящего солнца вырисовывалось здание префектуры. Из только что подошедшего трамвая -остановка была возле префектуры -- выходили люди, казавшиеся на таком расстоянии очень маленькими. Никакой помощи ждать не приходилось, они были слишком далеко, даже если бы я закричал.

Я стоял окаменев, как парализованный. "Поганые полицейские,--думал я,--они специально отпустили меня одного, зная, что убийца тут. Они хотят, чтобы это выглядело как простое сведение счетов!"

Мы стояли друг против друга, нас разделяло всего метра два. Я молчал и внимательно смотрел на него. Он тоже меня разглядывал, посмеиваясь.

Это был немолодой человек, худощавый, довольно хилый, небритый. Он казался намного слабее меня. На нем было старое грязное габардиновое пальто с оторванными карманами, на ногах -- стоптанные, рваные башмаки, из дыр торчали пальцы. На голове -- мятая, бесформенная шляпа. Одну руку он держал в кармане, в другой сжимал нож с огромным лезвием. Он смотрел на меня своим одним глазом, из которого, казалось, исходит тот же ледяной свет, что отражало лезвие ножа.

Никогда не встречал я такого жестокого взгляда, такого твердого и в то же время такого -- почему? -- яростного. Взгляд неумолимый, как у змеи, как у тигра-убийцы. Никакое слово, дружеское или властное, никакие аргументы не могли на него подействовать. Никакие обещания счастья, никакая вселенская любовь не могли бы его тронуть, никакая красота не могла бы его смягчить, а ирония -- пристыдить, все мудрецы мира не смогли бы заставить его понять бессмысленность его преступлений.

Слезы святых скатились бы, не оставив следа, по этому глазу, лишенному века. Христово воинство тщетно всходило бы ради него на Голгофы.

Медленно я вытащил из карманов два пистолета, молча направил их на убийцу. Он не шевелился. Я опустил пистолеты, руки мои безвольно повисли. Я почувствовал, что обезоружен, надежда покинула меня: что могут пули, что может моя жалкая сила против холодной ненависти, упрямство -- против бесконечной энергии этой абсолютной жестокости, не подчиняющейся разуму, не знающей пощады?

---

* Так в книге. Пропущена строка. Типографский брак. (Прим. Alexandr V. Rudenko)

Орифламма

-- Почему,-- спросила меня Мадлен,-- ты не заявил вовремя о его смерти? Или не избавился от трупа раньше, когда сделать это было проще?

Ах! Я ленив, апатичен, неорганизован и так устал, что ничего не могу делать. Я никогда не помню, куда засунул свои вещи. Я всегда трачу на поиски кучу времени, дергаюсь, извожу себя, разыскивая их по ящикам, залезая под кровати, роясь в чуланах, двери которых всегда за мной захлопываются. Я начинаю столько всего, чего никогда не заканчиваю, бросаю свои проекты на полдороге, все планы оставляю невыполненными. А раз нет настоящей цели, нет и силы воли!.. Если бы не приданое моей жены, если бы не ее скудные доходы...

-- Уже десять лет прошло!.. В доме уже попахивает. Соседи волнуются -спрашивают, откуда этот запах. Рано или поздно они узнают... И все из-за твоей безынициативности. Придется теперь все рассказать полиции. Шуму будет!.. Если бы мы хоть могли доказать, что он действительно умер десять лет назад: десять лет -- это срок давности!.. Заяви ты вовремя о его смерти, сейчас нам бы уже ничего не грозило!.. Никаких волнений!.. Нам не пришлось бы прятаться от соседей, мы могли бы, как все, принимать гостей!..

"Но, Мадлен, послушай, нас бы арестовали, срок давности тогда еще не истек, десять лет назад нас посадили бы в тюрьму или отправили на гильотину, это же очевидно!" -- хотел ответить я. Попробуйте объяснить женщине, что такое логика!.. Я не стал ее перебивать и старался не слушать.

-- Из-за него у нас все так плохо! Ничего не получается! -- продолжала вопить Мадлен.

-- Это лишь твои предположения.

-- К тому же он занимает самую красивую комнату в квартире -- нашу спальню, где мы провели наш медовый месяц!

Должно быть, в десятитысячный раз я сделал вид, что направляюсь в туалет, а сам повернул по коридору налево, чтобы посмотреть на мертвеца в его комнате.

Я открыл дверь. Надежда оказалась тщетной: сам по себе он не исчезнет никогда. Он вырос еще больше. Скоро ему потребуется второй диван. Борода у него уже до колен. С ногтями проще -- их ему стрижет Мадлен.

Послышались ее шаги. Мне никогда не удавалось побыть с трупом наедине. Несмотря на бесчисленные меры предосторожности, она всякий раз заставляла меня врасплох. Подозревала меня, шпионила за мной, не давала мне свободы передвижения, звала меня, следила за мной, всегда была рядом.

У меня бессонница. У Мадлен -- нет. Несмотря на несчастье, на нас свалившееся, спит она очень хорошо.

Иногда, посреди ночи, в надежде воспользоваться темнотой и сном Мадлен, я аккуратно, чтобы не заскрипели пружины, встаю с постели, затаив дыхание, добираюсь до двери, но едва дотягиваюсь до дверной ручки, как зажигается лампа на тумбочке. Мадлен, уже спустив ногу на пол, окликает меня: "Куда ты? К нему? Подожди меня!"

В другой раз, думая, что она занята на кухне, я спешу в комнату мертвеца с безумной надеждой побыть с ним наконец хоть несколько секунд без свидетелей. Она уже там -- сидит на диване, держа покойника за плечо в ожидании моего появления.

Так что и на этот раз я не удивился, когда увидел, что Мадлен идет за мной по пятам, готовая, по своему обыкновению, осыпать меня упреками. Когда я обратил ее внимание, как красиво, сверкая в полутьме комнаты, горят глаза у мертвеца, она, совершенно бесчувственная к очарованию этого довольно-таки необычного зрелища, воскликнула:

-- За десять лет ты не удосужился закрыть ему глаза!
-- Верно,-- с жалким видом согласился я.
-- Как же можно,-- продолжала она,-- быть таким легкомысленным? Ты не можешь утверждать, что у тебя не было времени -- ты целыми днями ничего не делаешь!
-- Не могу же я думать обо всем!
-- Ты ни о чем не думаешь!
-- Хорошо. Я знаю. Ты мне это говорила сто тысяч раз!
-- Если знаешь, почему не исправляешься?
-- Ты сама могла, между прочим, опустить ему веки!
-- Нет у меня других дел, как все время бегать за тобой и начинать, что ты не собираешься продолжить, заканчивать, что ты не доделал, повсюду наводить порядок. На мне -- вся квартира, кухня; я стираю, готовлю, натираю паркет, меняю белье ему и тебе, вытираю пыль, мою посуду, пишу стихи, которые потом продаю, чтобы пополнить наши жалкие доходы, пою при открытом окне, чтобы соседи не догадались, что у нас что-то не так,-- ты же прекрасно знаешь, что служанки у нас нет. А с тем, что ты зарабатываешь... если бы не я...

-- Ну ладно, ладно,-- ответил я подавленно и хотел выйти из комнаты.

-- Куда ты? Ты опять забыл закрыть ему глаза! Я вернулся, подошел к покойнику. Какой же он старый, старый! Мертвые стареют быстрее, чем живые. Кто бы мог узнать в нем того красивого молодого парня, который однажды вечером, десять лет назад, зашел к нам в гости, тут же влюбился в мою жену и -- воспользовавшись моим пятиминутным отсутствием -- стал ее любовником?

-- Видишь,-- сказала мне Мадлен,-- если бы на следующий день после убийства ты пошел в участок и сказал, что убил его в приступе гнева -- а это, кстати, чистая правда,-- из ревности, то следствия даже не начинали бы, поскольку это преступление совершено на почве страсти. Тебе бы дали подписать маленькое заявление, потом тебя отпустили бы, заявление засунули в папку, и дело было бы закрыто, давным-давно забыто. А из-за твоей лени мы влипли вот в такую историю. Каждый раз, когда я тебе говорила: "Сходи заяви!", ты мне отвечал: "Завтра, завтра, завтра!.." Уже десять лет все завтра -- и вот теперь... Все из-за тебя, из-за тебя!..

-- Схожу завтра! -- ответил я, надеясь, что она от меня отцепится.

-- О, я тебя знаю, никуда ты не пойдешь. К тому же теперь-то зачем? Слишком поздно. Никто не поверит -- спустя десять лет,-- что ты убил его в приступе гнева! Когда ждут десять лет, это уж в самом деле похоже на предумышленное убийство. Не знаю, что им говорить, если мы действительно решим покончить с этой историей!.. Он постарел; может, сказать, что это твой отец и ты убил его вчера. Однако это, наверное, не очень хорошее оправдание.

-- Нам не поверят. Нам не поверят,-- пробормотал я. По натуре я реалист; у меня, может, и не хватает силы воли, зато я умею рассуждать. Поэтому для меня всегда невыносимо отсутствие логики у Мадлен, ее голословные утверждения.

-- Посмотрим, может, что-нибудь сообразим,-- сказал я и сделал пару шагов.

-- Ты сейчас опять забудешь закрыть ему глаза! Думай хоть немного о том, что тебе говорят! -- заорала Мадлен.

Прошло две недели. Он старел и рос все быстрее и быстрее. Нас это пугало. По всей видимости, неизлечимая болезнь мертвых развивалась в нем в геометрической прогрессии. Как он мог заразиться ею у нас в доме?

Он уже не помещался на диване. Пришлось стащить его на пол. Зато нам вновь достался диван, который мы переставили в столовую. Впервые за десять лет я смог прилечь после завтрака и заснуть, но крики Мадлен меня тут же разбудили.

-- Ты что, оглох? Ты себя особенно не утомляешь, целыми днями спишь...

-- Это потому, что я не сплю ночью!

-- ...будто в доме ничего не происходит. Послушай! Из комнаты мертвеца доносился треск. Должно быть, с потолка сыпалась штукатурка. Стонали стены, распираемые

неодолимой силой. Пол во всей квартире, даже в столовой, дрожал и раскачивался, как палуба корабля. Разбилось окно. Стекло разлетелось на мелкие кусочки. К счастью, это окно выходило во внутренний дворик.

-- Что подумают соседи! -- заламывала руки Мадлен.

-- Пойдем посмотрим!

Мы едва успели сделать два шага в сторону комнаты, как дверь не выдержала, с грохотом треснула, упала -- и оказалась огромная голова лежащего на полу старика, взгляд его был устремлен в потолок.

-- У него открыты глаза,-- прошептала Мадлен. Действительно, глаза были открыты. Они стали громадными, круглыми и, как две фары, освещали весь коридор холодным белым светом.

-- Хорошо, что он вышиб дверь,-- сказал я, чтобы успокоить Мадлен.-- Теперь у него много места. Коридор длинный.

-- Тоже мне оптимист! Посмотри!

Зрелище было тревожное. Он удлинялся на глазах. Я провел мелом черту на полу в нескольких сантиметрах от его головы. Вскоре голова достигла черты и поползла дальше.

-- Надо действовать,-- решил я.-- Ждать действительно больше нельзя.

-- Наконец-то,-- сказала Мадлен.-- Проснулся, понял все-таки. Уже давным-давно, мой бедный друг, надо было действовать.

-- Может быть, еще не поздно!

Я понял, что был не прав. Дрожа всем телом, я попытался извиниться.

-- Идиот! -- ответила Мадлен, словно желая тем самым придать мне смелости.

До темноты я ничего не мог предпринять. Был июнь, предстояло ждать еще несколько часов. Несколько часов -- это очень много; я бы успел отдохнуть, о чем-нибудь помечтать или поспать, если бы не Мадлен, взволнованная больше обычного. Подумайте только -- ни минуты покоя, непрерывные проповеди, постоянное "я же говорила". Ох уж эта ее мания всегда быть правой!

Но голова мертвеца все приближалась, вот она уже в холле -- все ближе и ближе к столовой, дверь в которую вскоре пришлось открыть. Звезды едва начали загораться на небосклоне, а его голова уже была на пороге. Надо было ждать, пока на улице станет меньше народа. Наступило время ужина, но есть не хотелось. Пить--да, но чтобы пройти на кухню за стаканом, пришлось бы перешагнуть через труп. Даже на это маленькое усилие мы были не способны.

Света мы не зажигали. Его глаза достаточно освещали комнату.

-- Закрой ставни,-- посоветовала Мадлен. Потом, указав пальцем на голову мертвеца, добавила: -- У нас теперь все пойдет наперекосяк.

Голова уже добралась до края ковра, отодвинула его и смяла. Я приподнял голову: "Так она не попортит ковер".

Все-таки я чувствовал себя довольно подавленным. Эта история -длившаяся столько лет... К тому же сегодня мне было особенно не по себе, поскольку я был вынужден "действовать". Временами у меня по спине пробегала струйка пота. Я вздрагивал.

-- В конце концов, это просто ужасно,-- с отвращением вскрикнула Мадлен.-- Такое только с нами могло случиться!

Я посмотрел на ее бледное, искаженное лицо. Мне стало ее жалко. Я подошел к ней и нежно сказал:

-- Если бы мы действительно любили друг друга, все это не имело бы значения.--Я умоляюще сложил руки.--Давай любить друг друга, Мадлен, прошу тебя. Я знаю, любовь победит все, она может изменить нашу жизнь. Ты понимаешь меня?

Я попытался ее поцеловать. Она высвободилась, взгляд ее был сух, губы твердо сжаты.

-- Я в этом уверен,--пробормотал я. Потом меня понесло.-- Вспомни. Когда-то каждый восход для нас знаменовал новую победу! Мы стояли у врат мира. Помнишь? Помнишь? Вселенная была -- и в то же время ее не было, или она становилась лишь прозрачной тканью,

сквозь которую со всех сторон сиял ослепительный свет, славный свет, свет нескольких солнц. Свет проникал в нас нежным теплом. В мире, лишенном тяжести, мы чувствовали себя такими легкими, мы изумлялись своему существованию, мы радовались бытию. Это и есть любовь, это и есть молодость. Если бы мы захотели чего-то, захотели от всей души, нам все было бы подвластно, мы запели бы гимны радости!

-- Не говори глупости, -- ответила Мадлен. -- Любовь не поможет нам избавиться от этого трупa. Ненависть, кстати, тоже. Здесь дело не в чувствах.

-- Я избавлю тебя от него, -- сказал я, безвольно опуская руки.

Я ушел в свой угол, забился в кресло. Замолчал. Мадлен, накупившись, принялась шить.

Я посмотрел на голову мертвеца, которая была всего в полуметре от стены напротив. Он успел еще больше состариться. Странно, мы ведь, несмотря ни на что, привыкли к нему; и вдруг я понял, что мне искренне жаль расставаться с ним. Если бы он лежал спокойно, мы бы еще долго держали его у нас, может быть, всегда. Все-таки он вырос, состарился у нас в доме, рядом с нами. Это нельзя сбрасывать со счетов! Чего вы хотите, ко всему привыкаешь, таково сердце человеческое... Дом покажется нам совсем пустым, подумал я, когда его не станет... Сколько воспоминаний он в нас будил! Он был немым свидетелем целой жизни, не всегда приятной, разумеется. Можно даже сказать, не всегда приятной именно из-за него! Но ведь жизнь это не всегда сплошное веселье!.. Я едва уже помнил, что убил его я, или, скажем мягче, казнил, в минуту гнева... или негодования... Мы давно молча простили друг друга... если уж говорить по большому счету, виноваты были оба. Но смог ли он все забыть?

Мадлен прервала ход моих мыслей.

-- Он уперся лбом в стену. Пора действовать!

-- Да! -- решил я.

Я встал. Открыл ставни. Посмотрел в окно. Как красива летняя ночь! Было, очевидно, часа два после полуночи. На улице -- никого. Во всех домах темные окна. В небе над головой -- круглая, сияющая луна, живая звезда. Млечный Путь. Туманности, множество туманностей, дороги в небе, ручьи, жидкое серебро, осязаемый свет, бархатный снег. Белые цветы, букеты, букеты, сады в небе, мерцающие леса, прерии... И пространство, пространство, бесконечное пространство!..

-- Ну, о чем ты думаешь? -- спросила Мадлен. -- Нельзя допустить, чтобы нас заметили. Я посижу за улицей.

Она вылезла в окно. Добежала до угла улицы, посмотрела налево, направо, потом махнула мне рукой:

"Давай!"

Река была метрах в трехстах от дома. Чтобы добраться до нее, предстояло пересечь две улицы и пройти маленькую площадь Т., где была опасность натолкнуться на загулявших американских солдат, которые навевались в бар и бордель, принадлежащие владельцу нашего дома. Не налететь бы в темноте на какую-нибудь лодку, вытасченную на берег: для этого придется сделать крюк, что еще больше осложнит всю затею. Но выбора у меня не было. Без риска не обойтись.

Бросив последний взгляд на улицу, я взял мертвеца за волосы, с трудом приподнял, положил его голову на подоконник и спрыгнул на тротуар. ("Только бы он не свалил горшки с цветами", -- подумалось мне.) Я потащил его наружу. Казалось, я волоку спальню, коридор, столовую, всю квартиру, весь дом; потом -- будто я вырвал из самого себя, через рот собственные внутренности, легкие, сердце, скопище неясных чувств, неосуществленные желания, зловонные мысли, затхлые, гниющие образы, развращенную идеологию, разложившуюся мораль, отравленные метафоры, тлетворные газы, цепляющиеся к органам, как растения-паразиты. Я мучился ужасно, я не мог больше, я истекал слезами, кровью. Надо было терпеть, но как это было тяжело! Да еще страх, что кто-то может меня заметить! Я вытащил из окна его голову, длинную бороду, шею, туловище, я уже оказался у ворот соседнего дома, а ноги его все еще оставались в коридоре. Мадлен подошла ко мне, она

дрожала от страха. Я потянул еще -- изо всех сил, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не закричать от боли. Я продолжал пятиться ("На улице -- никого,-- говорила мне Мадлен,-- во всех окнах погашен свет") и добрался наконец до угла улицы, повернул, перешел, повернул, перешел. Тело наконец целиком вылезло из окна. Мы оказались прямо в центре маленькой площади Т., освещенной, как днем. Я остановился. Вдали слышался шум грузовика. Завыла собака. Мадлен не выдержала: "Брось его и пошли домой!"

-- Это было бы неосмотрительно! Если хочешь, возвращайся. Я справлюсь.

Я остался один. Удивительно, насколько легче стал труп. Он здорово вырос, но исхудал, потому что все эти годы ничего не ел. Я начал крутиться на месте, мертвец, как лента, оборачивался вокруг меня. "Так будет легче нести его до реки",-- подумал я. Увы! Когда его голова оказалась у моего бедра, она вдруг издала долгий пронзительный свист мертвецов. Его ни с чем нельзя было спутать.

На этот звук со всех сторон отозвались свистки полицейских! Залаяли собаки, поехали поезда, зажглись окна, выходящие на площадь, в них показались лица, американцы в форме вывалились с девушками из бара.

На углу улицы появились двое полицейских. Они бежали ко мне, они были уже в двух шагах. Мне пришел конец.

Вдруг борода мертвеца раскрылась, как парашют, увлекая меня вверх за собой. Один из полицейских подпрыгнул изо всех сил -- слишком поздно, он ухватил только мой левый башмак. Я сбросил ему и второй. Американские солдаты в восторге щелкали фотоаппаратами. Я поднимался очень быстро, а полицейские грозили мне пальцами и кричали: "Мошенник! Ах, мошенник!" Во всех окнах аплодировали. Лишь Мадлен в своем окне, взглянув на меня, бросила с презрением: "Ты не умеешь быть серьезным! Ты, может быть, и взлетел, но не поднялся в моих глазах!"

Я услышал еще, как американцы приветствовали меня криками: "Хелло, бой!" -- они думали, что стали свидетелями спортивного достижения. Я бросил вниз свою одежду, сигареты -- полицейские их поделят. Затем гигантской орифламмой я пролетал лишь млечные пути -- на полной скорости, на полной скорости.

Пробел

Перевод Т. Проскурниковой
Москва, изд-во "Текст", 1991

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д р у г.

А к а д е м и к.

Ж е н а а к а д е м и к а.

С л у ж а н к а.

Декорации

Салон, как у богатых буржуа, но — одновременно — с некоторым налетом «артистизма». Один или два дивана, кресла, одно из которых, зеленое — в стиле Регентства, стоит в самом центре комнаты. Все стены увешаны огромными дипломами, на которых большими буквами написано: «Доктор Nonogis causa», — то, что написано ниже, прочесть невозможно; на других дипломах, поменьше, — «доктор», «доктор», «доктор».

Дверь справа от зрителей.

Занавес поднимается: перед нами Жена академика в простом халате; вероятно, она только что встала, и у нее не было времени одеться. Напротив нее — Друг. Он в строгом костюме: темный пиджак, брюки в полоску, черные ботинки; в руках — шляпа и зонтик.

Ж е н а. Ну же, дорогой друг, говорите скорее.

Д р у г. Я не знаю, как вам сказать об этом.

Ж е н а. Я поняла.

Д р у г. Я узнал еще вчера вечером. Не хотел вам звонить. Но я не мог больше ждать. Извините, что поднял вас с постели, чтобы сообщить подобную новость...

Ж е н а. Это не могло кончиться благополучно! Какое несчастье! До последней минуты мы все еще надеялись...

Д р у г. Я понимаю вас, это очень тяжело, ведь у него был шанс. Хотя, по правде сказать, не такой уж большой. Этого следовало ожидать.

Ж е н а. Я не была к этому готова. Ему все удавалось. Он всегда выкручивался в последний момент.

Д р у г. Но он был так утомлен! Вы не должны были оставлять его.

Ж е н а. Что делать, что делать?! Это ужасно!

Д р у г. Мужайтесь, дорогая, такова жизнь.

Ж е н а. Мне плохо. Я сейчас упаду в обморок. (Опускается в кресло.)

Д р у г (поддерживает ее, похлопывает по щекам, по рукам). Простите, я сообщил вам эту новость, не подготовив вас.

Ж е н а. Вы правильно сделали, вы не могли поступить иначе. Все равно, я ведь должна знать.

Д р у г. Воды? (Кричит.) стакан воды! (Жене.) Надо было сказать вам осторожно.

Ж е н а. Это ничего бы не изменило.

Входит Служанка со стаканом воды.

С л у ж а н к а. В чем дело? Мадам нехорошо?
Д р у г (беря у нее стакан). Оставьте нас, я сам дам ей воды. Ей сейчас станет лучше. Я вынужден был сообщить ей плохую новость.
С л у ж а н к а. Что... господин?..
Д р у г. Да. Вы знали?
С л у ж а н к а. Нет. Но поняла по вашему виду.
Д р у г. Оставьте нас.
С л у ж а н к а (уходя, огорченно). Бедный мсье.
Д р у г (Жене). Вам лучше?
Ж е н а. Я должна быть сильной. Я думаю о нем, бедном. Мне не хотелось бы, чтобы это попало в газеты. Можно ли рассчитывать на тактичность жупналистов?
Д р у г. Никого не принимайте. Не подходите к телефону.
Ж е н а. Все равно это станет известно.
Д р у г. Вы можете уехать за город. Через несколько месяцев, когда успокоитесь, вы вернетесь и сможете жить нормально. Все забудется.
Ж е н а. Такое забывается нескоро. Они только этого и ждали. Кое-кто из друзей расстроится, но остальные, остальные...

Входит Академик в парадном мундире Академии со шпагой на боку, вся грудь в орденах.

А к а д е м и к. Как, вы уже проснулись? (Другу.) Вы пришли так рано! В чем дело? Вам уже известны результаты?
Ж е н а. Какой позор!
Д р у г (Жене). Не расстраивайте его, дорогая. (Академику.) Вы провалились.
А к а д е м и к. Вы уверены?
Д р у г. Напрасно вы решили сдавать экзамены на звание бакалавра.
А к а д е м и к. Провалился на экзаменах! Негодяи! Они посмели так поступить со мной!
Д р у г. Они вывесили результаты вчера поздно вечером.
А к а д е м и к. Так, наверное, в темноте ничего нельзя было разобрать? Как вы смогли прочесть?
Д р у г. Там было освещение.
А к а д е м и к. Они готовы на все, лишь бы скомпрометировать меня.
Д р у г. Я снова был там сегодня утром. Списки на месте.
А к а д е м и к. Вы должны были подкупить привратника, чтобы он сорвал их.
Д р у г. Это я и сделал. Но — увы! — там была полиция. Ваша фамилия открывает список провалившихся. Столько людей столпились, чтобы посмотреть.
А к а д е м и к. Кто? Родители учеников?
Д р у г. Не только.
Ж е н а. Там, вероятно, все ваши соперники, все ваши коллеги. Все те, на кого вы нападали в печати, обвиняя в невежестве: ваши бывшие ученики, ваши студенты, аспиранты, которые не смогли из-за вас сдать экзамены, когда вы были председателем комиссии!
А к а д е м и к. Это бесчестье. Но я этого так не оставлю. Может быть, тут недоразумение?
Д р у г. Я разговаривал с экзаменаторами. Они показали мне ваши оценки. Ноль по математике.
А к а д е м и к. Но я не специалист в области точных наук.
Д р у г. Ноль по греческому, ноль по латыни.
Ж е н а (мужу). Вы же признанный гуманитарий, автор труда «Речь в защиту гуманитарных наук»!
А к а д е м и к. Простите, но в этой книге речь идет о современности. (Другу.) А за сочинение что?

Д р у г. Вы получили девятьсот. Девятьсот.

А к а д е м и к. Великолепно. Это компенсирует плохие оценки по другим предметам.

Д р у г. К сожалению, нет. Максимально возможная сумма баллов — две тысячи. Проходной балл — тысяча.

А к а д е м и к. Они изменили правила.

Ж е н а. Они ничего специально для вас не меняли. Вы все время думаете, что все против вас.

А к а д е м и к. Нет, изменили.

Д р у г. Они вернулись к установлениям эпохи Наполеона.

А к а д е м и к. Эти положения устарели. Когда же они изменили порядок? Это незаконно. Я председатель комиссии Министерства национального образования. Они не консультировались со мной и не имели права делать что-либо без моего согласия. Я их разоблачу в Государственном Совете.

Ж е н а. Дорогой, вы уже сами не знаете, что говорите. Вы просто впали в детство. Вы сами подали в отставку с этого поста, когда решили сдавать экзамены на звание бакалавра, чтобы не возникло сомнений в объективности экзаменаторов.

А к а д е м и к. Я еще вернусь к вопросу о моей отставке.

Д р у г. То, что вы говорите, — ребячество. Вы прекрасно знаете, что это невозможно.

Ж е н а. Меня больше не удивляет, что вы провалились. Когда у человека психология ребенка, не следует сдавать экзамен на бакалавра, ведь это экзамен на зрелость.

А к а д е м и к. Подумать только, что я держал этот экзамен вместе с двумя сотнями кандидатов, которые могли бы быть моими детьми!

Д р у г. Не преувеличивайте. Вы не можете быть отцом сотен студентов.

А к а д е м и к. Меня это не утешает.

Ж е н а. Ты не должен был это затевать. Я ведь говорила. Не надо было. Ты хочешь иметь все звания. Ты никогда не бываешь доволен! Тебе что, так был необходим именно этот диплом? Теперь все пропало. Это катастрофа! У тебя есть дипломы кандидата и доктора, аттестат об окончании школы. И ты даже сдал первую часть экзаменов на бакалавра.

А к а д е м и к. Но был пробел.

Ж е н а. Никто же об этом не подозревал!

А к а д е м и к. Я-то знал! Могли узнать и другие. Я попросил в секретариате факультета, чтобы мне выдали копию справки о сдаче кандидатских экзаменов. Они мне сказали: «Конечно, господин академик, хорошо, господин председатель, сейчас, господин декан...» Они поискали. Ответственный секретарь вернулся с растерянным видом и сказал мне: «Произошла странная вещь. Вы, разумеется, сдали эти экзамены, но их результаты недействительны». Я, естественно, поинтересовался почему. Он ответил: «В вашем образовании есть пробел. Я не знаю, как это могло случиться. Вы записались на филологический факультет, не сдав второй части экзаменов на бакалавра».

Д р у г. Ну и что?

Ж е н а. Кандидатский диплом больше недействителен?

А к а д е м и к. Нет. Вернее, не совсем. Они оставили вопрос открытым. «Вы получите дубликат, если успешно досдадите экзамены. Конечно же, у вас не будет никаких проблем». Вот мне и пришлось их сдавать.

Ж е н а. Мог и не сдавать. Зачем ты пошел копаться в архиве? При твоём положении тебе не нужен был этот диплом. Никто у тебя ничего не спрашивал.

А к а д е м и к. По правде говоря, когда секретарь факультета сказал мне, что у меня нет диплома бакалавра, я ему ответил, что быть того не может. Но точно я не помнил. Пришлось порыться в памяти. Сдавал я экзамены на бакалавра? Не сдавал я экзаменов на бакалавра? И потом я наконец сообразил, что действительно не сдавал. Хорошо помню, в тот день у меня был насморк.

Ж е н а. Надрался, наверное, с тобой это бывает.

Д р у г. Ваш муж, дорогая, хотел восполнить пробел. Он человек добросовестный.

Ж е н а. Вы его не знаете. Дело совсем не в этом. Ему хочется славы, почестей. Ему всегда мало. Ему хотелось повесить на стенку кандидатский диплом рядом с десятком других. А что толку? Одним дипломом больше, одним меньше. Никто не обращает внимания. А он пересчитывает их по ночам. Я часто застаю его за этим занятием. Он встает среди ночи, пробирается на цыпочках в гостиную, смотрит на них и считает.

А к а д е м и к. А что мне еще делать, когда у меня бессонница?

Д р у г. Обычно темы сочинений известны заранее. Вы могли с легкостью узнать их. Вы даже могли послать кого-нибудь вместо себя на экзамен. Одного из ваших учеников. Или, если уж вы обязательно хотели сдавать сами, могли отправить служанку купить темы на рынке, и никто не догадался бы, что они вам известны заранее.

А к а д е м и к. Никак не пойму, как я мог провалиться на сочинении. Я исписал три листа. Я развил тему, отразил историческую обстановку, дал точное толкование ситуации... Во всяком случае, правдоподобное. Я не заслужил низкой оценки.

Д р у г. Вы помните тему?

А к а д е м и к. Хм... хм...

Д р у г. Он даже не знает, о чем писал.

А к а д е м и к. Да нет же... хм... хм...

Д р у г. Тема сочинения следующая: «Влияние художников Возрождения на французских романистов Третьей республики». У меня есть фотокопия вашей работы. Вот что вы написали.

А к а д е м и к (берет бумаги и читает). «Процесс Бенжамена. После того как Бенжамена судили и оправдали, присяжные, не согласные с таким решением, восстали против судьи, убили его и приговорили Бенжамена к лишению гражданских прав и к большому штрафу в девятьсот франков...»

Д р у г. Отсюда и оценка — девятьсот.

А к а д е м и к (продолжает читать). «...Бенжамен подал апелляцию... Бенжамен подал апелляцию...» Не пойму, что там дальше. Я всегда писал очень неразборчиво, надо было захватить с собой пишущую машинку.

Ж е н а. Ни плохой почерк, ни помарки, ни кляксы не могли бы вам помочь.

А к а д е м и к (продолжает читать, взяв у Жены лист, который она вырвала у него из рук). «...Бенжамен подал апелляцию. Окруженный полицейскими в форме зуавов, в форме зуавов...» Что-то темно, я не вижу, что дальше... Я без очков.

Ж е н а. Но это не имеет никакого отношения к теме!

Д р у г. Ваша жена права, дорогой мой. То, что вы пишете, никак не связано с темой.

А к а д е м и к. Связано, но не непосредственно.

Д р у г. Даже и так не связано.

А к а д е м и к. Может, я писал другую тему?

Д р у г. Тема была одна.

А к а д е м и к. Даже если была всего одна тема, я мог хорошо написать о другом. Я дошел до конца истории. Все показал выпукло, охарактеризовал действующих лиц, описал их поступки и раскрыл их значение. Наконец, я сделал выводы. Остальное я не могу разобрать. (Другу.) Вы можете это прочесть?

Д р у г (смотрит в текст). Это нечитабельно. И я тоже без очков.

Ж е н а (берет бумагу). Это невозможно прочесть. А у меня хорошее зрение. Ты просто сделал вид, будто написал что-то. Сплошные каракули.

А к а д е м и к. Да нет же! Я же сделал выводы. Ведь написано большими буквами: «Выводы или санкции». «Выводы или санкции». Это им так не пройдет. Я потребую аннулировать результаты экзамена.

Ж е н а. Раз ты написал на другую тему, раз ты написал плохо, раз ты дал только заголовки, то, к несчастью, ты заслужил эту оценку. Ты проиграешь процесс.

Д р у г. Вы его проиграете. Оставьте все как есть. Уезжайте отдыхать.

А к а д е м и к. У вас всегда правы другие.

Ж е н а. Профессора знают, что делают. Их не просто так назначили на эти должности. Они прошли конкурс, у них очень серьезная подготовка. Они знают правила.

А к а д е м и к. Кто входил в экзаменационную комиссию?

Д р у г. По математике — мадам Бином. По греческому — мсье Какос. По латыни — мсье Нерон-сын. И так далее.

А к а д е м и к. Ну, уж эти-то знают не больше меня! А по французскому?

Д р у г. Дама — секретарь редакции журнала «Вчера, позавчера и сегодня».

А к а д е м и к. А... теперь я понимаю. Я прекрасно знаю это ничтожество. Она поставила мне плохую оценку из мести. Я не захотел ухаживать за ней. Я отказался сотрудничать в ее журнале. Я не пожелал стать членом ее партии. Она решила отомстить мне. У меня есть средство аннулировать результаты экзамена. Я позвоню главе государства.

Ж е н а. Не делай этого, ты будешь совсем смешон. (Другу.) Дорогой, остановите его. (Мужу.) Умоляю тебя, не звони. (Другу.) Остановите его, он считается с вами больше, чем со мной. (Друг бессильно пожимает плечами. Мужу, который снял трубку.) Не звони.

А к а д е м и к (Жене). Я знаю, что делаю! (По телефону.) Алло! Службу президента... Служба президента?.. Здравствуйте, мадмуазель, я хочу поговорить с президентом. С ним самим. Лично. Алло! Жюль? Это я... Что?.. Что?.. Но послушайте, дружище... но выслушайте меня... Алло!..

Ж е н а. Это он?

А к а д е м и к (Жене). Помолчи. (В трубку.) Вы шутите, дружище... Вы не шутите?..

Кладет трубку.

Д р у г. Что он сказал?

А к а д е м и к. Он сказал... он сказал... «Я не хочу с вами больше разговаривать. Мама запретила мне водиться с двоечниками», — и повесил трубку.

Ж е н а. Этого следовало ожидать. Все потеряно. Что ты сделал со мной? Что ты сделал со мной?

А к а д е м и к. Как же так! Ведь я читал лекции в Сорбонне, в Оксфорде, в американских университетах. О моем творчестве написано более десяти тысяч диссертаций, сотни толкователей склоняются над моими произведениями. Я доктор Honoris causa университета в Амстердаме, секретных факультетов герцогства Люксембург; мне трижды присуждали Нобелевскую премию. Король Швеции поражался моей эрудиции. Доктор Honoris causa, доктор... и провалился на экзаменах!

Ж е н а. Теперь все будут смеяться над нами!

Академик ломает о колено свою шпагу.

Д р у г (наклоняется, чтобы подобрать обломки). Я бережно сохраню их в память о вашей былой славе.

Разгневанный Академик срывает с себя ордена, бросает на землю, топчет их.

Ж е н а (пытаясь помешать ему, собирает их). Не делайте этого! Не делайте этого! Это все, что у нас осталось.

Занавес

ЭТЮД ДЛЯ ЧЕТВЕРЫХ

Италия, 1959

Перевод М. Зониной

Москва, изд-во "Текст", 1991

OCR & spellcheck: Ольга Амелина, январь 2006

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д ю п о н, одет, как Дюран.

Д ю р а н, одет, как Дюпон.

М а р т е н, одет точно так же.

П р е к р а с н а я Д а м а — в момент появления на сцене она по меньшей мере в шляпе, в накидке или меховой шубе, в перчатках, туфлях, платье и т.д., с сумочкой в руках.

Декорации

Слева — дверь. Посредине сцены стоит стол. На столе — три горшка с цветами. Где-нибудь кресло или диванчик.

Стол накрыт большой скатертью, простой или ковровой, ниспадающей до пола, чтобы легче было производить трюки.

Сцена первая и единственная.

Занавес поднимается. Дюпон, в сильнейшем возбуждении, заложив руки за спину, кружит вокруг стола.

Дюран — так же, ему навстречу. Столкнувшись, Дюпон и Дюран разворачиваются и продолжают свое кружение, но в обратном направлении.

Д ю п о н. ...Нет...

Д ю р а н. Да...

Д ю п о н. Нет...

Д ю р а н. Да...

Д ю п о н. Нет...

Д ю р а н. Да...

Д ю п о н. А я вам говорю — нет... Осторожно, цветы.

Д ю р а н. А я вам говорю — да... Осторожно, цветы.

Д ю п о н. И все-таки — нет...

Д ю р а н. И все-таки — да... Повторяю вам — да.

Д ю п о н. Повторяйте на здоровье. Нет, нет и нет. Тридцать два раза — нет.

Д ю р а н. Дюпон, осторожно — цветы.

Д ю п о н. Дюран, осторожно — цветы.

Д ю р а н. Ну вы и зануда... С ума сойти, какой зануда.

Д ю п о н. Это не я. Это вы. Зануда, зануда, зануда...

Д ю р а н. Сами не знаете, что говорите. И почему это вы говорите, что я зануда. Осторожно, цветы. И вовсе я не зануда.

Д ю п о н. Еще спрашивает, почему он зануда... Нет, вы меня просто поражаете!

Д ю р а н. Не знаю, поражаю я вас или не поражаю. Может, и поражаю. Но хотелось бы узнать, почему это я зануда. Во-первых, я не зануда...

Д ю п о н. Не зануда? Не зануда — и это при том, что вы упорствуете, упираетесь, упрямитесь, нудите, — короче, вопреки всем моим доказательствам...

Д ю р а н. Ерунда это, а не доказательства. Они меня не убеждают. Это вы зануда. А я

не зануда.

Д ю п о н. Нет, зануда.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Да.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Да.

Д ю р а н. И все-таки — нет.

Д ю п о н. И все-таки — да.

Д ю р а н. Говорю вам — нет.

Д ю п о н. Повторяю вам — да.

Д ю р а н. Повторяйте на здоровье. Нет, нет и... НЕТ!

Д ю п о н. Просто ужас, какой зануда! Сами посудите...

Д ю р а н. Не путайте. Сейчас уроните цветы... Не путайте. Будьте честным человеком, признайте, что зануда — именно вы.

Д ю п о н. С чего это мне быть занудой? Раз я прав, я не зануда. А поскольку, как вы, должно быть, заметили, я прав, да, — я, как ни крути, прав...

Д ю р а н. Почему это вы правы, когда прав я...

Д ю п о н. Прошу прощения, но прав я...

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет, я.

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет, я.

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет. Осторожно, цветы.

Д ю п о н. Осторожно, цветы.

М а р т е н (входя). Ну вот, наконец-то вы пришли к согласию.

Д ю п о н. Вот уж нет... вовсе я с ним не согласен... (Указывает на Дюрана.)

Д ю р а н. Вот все я с ним не согласен. (Указывает на Дюпона.)

Д ю п о н. Он отрицает истину.

Д ю р а н. Он отрицает истину.

Д ю п о н. Он, а не я.

Д ю р а н. Он, а не я.

М а р т е н. Ну, знаете... не будьте такими идиотами... осторожно, цветы. Совсем не всегда так уж необходимо, чтобы персонажи на сцене были еще глупее, чем в жизни.

Д ю р а н. Да уж какие есть.

Д ю п о н (Мартену). К тому же меня раздражает ваша дурацкая сигара.

М а р т е н. Вы, можно подумать, меня не раздражаете — носятся тут как заведенные, руки за спиной, хоть бы в чем друг другу уступили... У меня уже голова от вас кругом идет... и вообще, вы сейчас уроните цветы...

Д ю р а н. Да меня стошнит вот-вот от вашего поганого дыма... Тоже придумал — дымит весь день как... паровоз.

М а р т е н. Дымят не только паровозы.

Д ю п о н (Мартену). Как закопченный паровоз.

М а р т е н (Дюпону). Весьма банальное сравнение... Никакого воображения.

Д ю р а н (Мартену). У Дюпона, конечно, нет воображения. Но у вас тоже нет.

Д ю п о н (Дюрану). И у вас тоже, мой дорогой Дюран.

М а р т е н (Дюпону). И у вас тоже, мой дорогой Дюпон.

Д ю п о н (Мартену). И у вас тоже, мой дорогой Мартен.

Д ю р а н (Дюпону). И у вас тоже, мой дорогой Дюпон. И не называйте меня мой дорогой Дюран, потому что я не ваш дорогой Дюран.

Д ю п о н (Дюрану). У вас тоже, мой дорогой Дюран, нет никакого воображения. И не называйте меня мой дорогой Дюпон.

М а р т е н (Дюпону и Дюрану). Не называйте меня мой дорогой Мартен, я не ваш дорогой Мартен.

Д ю п о н (Мартену и Дюрану). Не называйте меня мой дорогой Дюпон, я не ваш дорогой Дюпон.

Д ю р а н (Мартену и Дюпону). Не называйте меня мой дорогой Дюран, я не ваш дорогой Дюран.

М а р т е н. Во-первых, я не мешаю вам своей сигарой, потому что у меня нет сигары... Господа, позвольте мне сказать: вы уж слишком... Слишком. Я человек посторонний, поэтому могу судить объективно.

Д ю р а н. Давайте, судите.

Д ю п о н. Судите, судите. Поторапливайтесь.

М а р т е н. Позвольте мне сказать вам со всей откровенностью: таким методом вы ни к какому результату не придете. Сначала надо добиться соглашения хотя бы по одному вопросу и создать, таким образом, базу для дискуссии — только тогда будет возможен диалог.

Д ю р а н (Мартену). С этим мсье (указывает на Дюпона) на таких условиях никакой диалог не возможен. Условия, которые он предлагает, совершенно неприемлемы.

Д ю п о н (Мартену). Я вовсе не собираюсь достигать чего бы то ни было какой угодно ценой. И поскольку условия, которые предлагает мне этот мсье (указывает на Дюрана), более чем бесчестны...

Д ю р а н. Какая наглость... Он смеет утверждать, что мои условия бесчестны...

М а р т е н (Дюпону). Дайте ему высказаться.

Д ю п о н (Дюрану). Высказывайтесь.

М а р т е н. Осторожно, цветы.

Д ю п о н. Сейчас выскажусь. Если меня действительно хотят выслушать. Если меня действительно хотят понять. Но, поймите меня правильно, чтобы понять кого-то, надо его слушать, чего никак не может понять мсье Дюран, чья непонятливость, впрочем, общеизвестна.

Д ю р а н (Дюпону). Вы смеете говорить, что моя непонятливость общеизвестна, хотя прекрасно знаете, что общеизвестна как раз ваша непонятливость. Это вы всегда отказываетесь меня понять.

Д ю п о н (Дюрану). Ну вы даете. Ваше лицемерие не лезет ни в какие ворота. Тут бы и трехмесячный младенец понял. Честный младенец. (Мартену). Нет, вы только послушайте...

Д ю р а н (Дюпону). Ну вы даете... Вы-то как раз и не желаете меня понимать! (Мартену.) Нет, вы слышите, что он городит?

М а р т е н. Господа, друзья мои, мы теряем время. К делу. Вот вы тут все говорите, говорите, а ничего ведь и не сказали.

Д ю п о н (Мартену). Что? Это я-то ничего не сказал?

Д ю р а н (Мартену). Что? Это я-то ничего не сказал?

М а р т е н. Простите, я не то чтобы хотел сказать, что вы ничего не сказали, нет, это не вполне так.

Д ю п о н (Мартену). Как же вам не стыдно говорить, что мы ничего не сказали, когда вы сами только что сказали, что мы говорим, говорим, а ничего и не сказали, хотя совершенно невозможно говорить и ничего не сказать, потому что всякий раз, когда кто-то что-то сказал, это значит, что он говорил, и, соответственно, когда кто-то говорил, это

значит, что он что-то сказал.

М а р т е н (Дюпону). Допустим, я действительно миг сказать, что вы говорите, говорите, а ничего и не сказали, но этим я вовсе не сказал, что вы всегда так говорите. Ведь можно все сказать, ничего не говоря, и ничего не сказать, говоря слишком много. Зависит от ситуации и от человека. Но вы-то что сказали за это время? Ничего, ровным счетом. Спросите кого угодно.

Д ю р а н (перебивает Мартена). Это Дюпон говорил и ничего не сказал, а не я.

Д ю п о н (Дюрану). Нет, вы.

Д ю р а н (Дюпону). Нет, вы.

М а р т е н (Дюпону и Дюрану). Нет, вы.

Д ю р а н и Д ю п о н (Мартену). Нет, вы.

М а р т е н. Нет.

Д ю п о н. Да.

Д ю р а н (Дюпону и Мартену). Говорите, говорите, а ничего-то и не сказали.

Д ю п о н. Я ничего не сказал?

М а р т е н и Д ю р а н (Дюпону). Именно вы.

Д ю п о н и Д ю р а н (Мартену). Вы тоже ничего не сказали.

М а р т е н (Дюпону и Дюрану). Это вы ничего не сказали.

Д ю р а н (Дюпону и Мартену). Это вы ничего не сказали.

Д ю п о н (Дюрану и Мартену). Это вы ничего не сказали.

М а р т е н (Дюрану). Вы.

Д ю р а н (Мартену). Вы.

Д ю п о н (Дюрану). Вы.

Д ю р а н (Дюпону). Вы.

Д ю п о н (Мартену). Вы.

В с е т р о е (друг другу). Вы. Вы. Вы...

И в эту минуту входит Прекрасная Дама.

Д а м а. Добрый день, господа... Осторожно, цветы... (Трое мужчин резко останавливаются и поворачиваются к ней.) И чего это вы ссоритесь... (Жеманно.) Дорогие мои...

Д ю п о н. Дорогая моя, наконец-то вы пришли! Только вам подвластно изменить создавшееся положение.

Д ю р а н. Да, дорогая, вы увидите, что такое беспредельная лживость...

М а р т е н (перебивает Дюрана). Да, дорогая, мы сейчас введем вас в курс дела...

Д ю п о н (Мартену и Дюрану). Я сам введу ее в курс дела, ибо это очаровательное создание — моя невеста...

Прекрасная Дама стоит неподвижно, с улыбкой на устах.

Д ю р а н (Мартену и Дюпону). Это очаровательное создание — моя невеста.

Д ю п о н (Даме). Дорогая, скажите этим господам, что вы моя невеста.

М а р т е н (Дюпону). Вы ошибаетесь, это моя невеста.

Д ю р а н (Даме). Дорогая, скажите этим господам, что вы моя...

Д ю п о н (перебивает его). Ошибаетесь, моя.

М а р т е н (Даме). Дорогая, будьте так любезны, скажите...

Д ю р а н (Мартену). Вы ошибаетесь, это моя невеста.

Д ю п о н (Даме). Дорогая...

М а р т е н (Дюрану). Ошибаетесь, моя.

Д ю р а н (Даме). Дорогая...

Д ю п о н (Мартену). Ошибаетесь, моя.

М а р т е н (Даме). Дорогая, будьте так любезны, скажите...
Д ю р а н (Дюпону). Ошибаетесь, моя.
Д ю п о н (Даме, изо всех сил тянет ее за руку к себе). О, дорогая...

Дама теряет туфлю.

Д ю р а н (Даме, изо всех сил тянет ее к себе за другую руку). Позвольте я вас поцелую.
(Дама теряет другую туфлю, а ее перчатка остается в руках у Дюпона.)

М а р т е н (взяв горшок с цветами, разворачивает Даму к себе). Примите от меня этот букет. (Вручает ей горшок.)

Д а м а. О, благодарю...

Д ю п о н (разворачивает Даму к себе и вручает ей второй горшок). Примите эти божественные цветы. (Дама спотыкается и роняет шляпу.)

Д а м а. Благодарю, благодарю.

Д ю р а н (делает то же, что Дюпон). Эти цветы принадлежат вам, как принадлежит вам мое сердце...

Д а м а. Ох, я вся горю... (Руки у нее заняты цветами, она роняет сумку.)

М а р т е н (яростно привлекает ее к себе и вопит). Поцелуй меня, поцелуй меня... (С Дамы падает шуба.)

Д ю р а н (так же). Поцелуй меня.

Д ю п о н (так же). Поцелуй меня.

Эта игра продолжается некоторое время. Дама постепенно роняет горшки с цветами, юбка ее расстегивается, одежда разлетается в стороны. Дюпон, Дюран и Мартен вырывают Даму друг у друга, она переходит из рук в руки, при этом они так же вращаются вокруг стола. По-прежнему не прекращая движения, они отрывают у Дамы руку, победно потрясают ее, потом другую руку, потом ногу, грудь...

Д а м а. Да пошли вы... Оставьте меня в покое.

Д ю п о н (Мартену). Оставьте ее в покое.

М а р т е н (Дюрану). Оставьте ее в покое.

Д ю р а н (Дюпону). Оставьте ее в покое.

К а ж д ы й (двум другим). Это вас она просит оставить ее в покое.

Д а м а (всем троим). Оставьте все меня в покое.

Д ю р а н, Д ю п о н, М а р т е н (изумленно). Я? Я? Я?

Они останавливаются. Дама, растрепанная, расхристанная, полураздетая, без рук, идет вперед, к публике, подпрыгивая на единственной ноге.

Д а м а. Дамы и господа, я совершенно с вами согласна. Это полная белиберда.

Занавес

Бред вдвоем

Перевод с французского Е. Дюшен
Москва, изд-во "Искусство", 1991

*Цилле Челтон,
Иву Пено,
Антуану Бурселье*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

О н а.

О н.

С о л д а т, с о с е д и.

Ничем не примечательная комната. Стулья, кровать, туалетный столик, в глубине окно, дверь направо, дверь налево. Она сидит за туалетом, около двери на авансцене слева. Он с раздражением, хотя и не слишком явным, расхаживает по комнате, заложив руки за спину, уставившись в потолок, как бы следя за полетом мух. С улицы слышен шум, истошные крики, выстрелы. Первые шестьдесят секунд никто не произносит ни слова — мужчина расхаживает по комнате, женщина занята своим туалетом. На мужчине довольно грязный халат. Халат женщины говорит о былом кокетстве. Мужчина небрит, и оба они немолоды.

Она . Ты мне сулил роскошную жизнь! Так где же она? А я ради твоих прекрасных глаз рассталась с мужем! Боже, какая я была романтическая дура! Да ведь мой муж был в сто раз лучше тебя, обольститель! Он со мной по-глупому не спорил!

Он . Ну я же не нарочно. Ты несешь чепуху, вот я и возражаю. Истина — это моя страсть.

Она . При чем здесь истина? Говорю тебе: разницы нет. Вот и вся истина. Улитка и черепаха — это одно и то же.

Он . Да нет же, это разные животные.

Она . Сам ты животное. Дурак.

Он . От дуры слышу.

Она . Не оскорбляй меня, безумец, мерзавец, обольститель.

Он . Да ты хоть выслушай меня.

Она . Почему это я должна тебя слушать? Семнадцать лет тебя слушаю. Я уже семнадцать лет без мужа, без крыши над головой.

Он . Это тут ни при чем.

Она . А что при чем?

Он . То, о чем мы спорим.

Она . Да нет, тут не о чем спорить. Улитка и черепаха — это одно и то же.

Он . Нет, не одно и то же.

Она . Нет, одно.

Он . Да тебе любой скажет.

Она . Кто — любой? У черепахи есть панцирь? Отвечай.

Он . Ну?

Она . У улитки есть раковина?

Он . Ну?

Она . Разве улитка и черепаха не прячутся в свой домик?

Он . Ну?

Она . Разве черепаха, как и улитка, не медлительна? Разве она не покрыта слизью?

Разве у нее не короткое туловище? Разве это не маленькая рептилия?

Он . Ну?

Она . Вот я и доказала. Разве не говорят «со скоростью черепахи» и «со скоростью улитки»? Разве улитка, то есть черепаха, не ползает?

Он . Не совсем так.

Она . Не совсем так — что? Ты хочешь сказать, что улитка не ползает?

Он . Нет, нет.

Она . Ну вот видишь, это то же самое, что черепаха.

Он . Да нет.

Она . Упрямец, улитка! Объясни почему.

Он . Потому что.

Она . Черепаха, то есть улитка, носит свой домик на спине. Этот домик сидит на ней как влитой, потому она и называется улитка.

Он . Слизняк тоже нечто вроде улитки. Это улитка без домика. А черепаха с улиткой не имеет ничего общего. Как видишь, ты не права.

Она . Ну, раз ты так силен в зоологии, объясни мне, почему я не права.

Он . Ну потому что...

Она . Объясни мне, в чем разница, если она вообще есть.

Он . Потому что... разница... Есть и кое-что общее, не могу отрицать.

Она . Почему же ты тогда отрицаешь?

Он . Разница в том, что... В том, что... Нет, бесполезно, ты не хочешь ее замечать, мне уже надоело тебе доказывать, хватит. С меня достаточно.

Она . Ты ничего не хочешь объяснять, потому что не прав. Тебе просто крыть нечем. Если бы ты спорил честно, ты бы так и сказал. Но ты не хочешь справедливого спора и никогда не хотел.

Он . Боже, что за ерунда! Подожди, слизняк относится к классу... то есть улитка... А черепаха...

Она . Нет, хватит. Лучше замолчи. Не могу слышать этот бред.

Он . И я тебя слышать не могу. Ничего не хочу слышать.

Раздается сильный взрыв.

Она . Мы никогда не договоримся.

Он . Где уж нам. (Пауза.) Слушай, а у черепахи есть рожки?

Она . Я не смотрела.

Он . У улитки есть.

Она . Не всегда. Только когда она их показывает. А черепаха — это улитка, которая не показывает рожки. Чем питается черепаха? Салатом. И улитка тоже. Так что это одно животное. Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты. И потом — и черепаху и улитку едят.

Он . Но их же готовят по-разному.

Она . А друг друга они не едят, волки тоже друг друга не едят. Потому что они одного вида. В самом крайнем случае это два подвида. Но все равно это один вид, один вид.

Он . Вид у тебя идиотский.

Она . Что ты говоришь?

Он . Что мы с тобой принадлежим к разным видам.

Она . Заметил наконец.

Он . Заметил-то я сразу, но слишком поздно. Надо было заметить раньше, пока мы не познакомились. Накануне заметить. С первого дня было ясно, что нам друг друга не понять.

Она . Оставил бы меня с моим мужем, в моей семье, сказал бы, что так будет лучше, о долге бы мне напомнил. Мой долг... я выполняла его с радостью, это было чудесно.

Он . Дернул тебя черт ко мне уходить!

Она . Ты меня дернул! Обольстил! Семнадцать лет уже! Что я тогда понимала? От

детей ушла. Правда, детей не было. Но могли быть. Сколько бы захотелось, столько бы и было. У меня были бы сыновья, я жила бы под их защитой. Семнадцать лет!

Он . Будут другие семнадцать лет. Еще на семнадцать лет пороку хватит.

Она . Ты же не хочешь признать очевидного. Во-первых, слизняк свой домик просто не показывает. Так что это улитка. А значит, черепаха.

Он . Ага, вспомнил, улитка — это моллюск, брюхоногий моллюск.

Она . Сам ты моллюск. Моллюск мягкий. Как черепаха. Как улитка. Никакой разницы. Если улитку напугать, она спрячется в свой домик, и черепаха тоже. Вот и выходит, что это одно животное.

Он . Ладно, будь по-твоему, сколько лет ругаемся из-за черепахи и улитки...

Она . Улитки и черепахи.

Он . Как угодно, сил нет все это слушать. (Пауза.) Я тоже ушел от жены. Правда, мы тогда уже развелись. Будем утешаться тем, что до нас это случилось с тысячами людей. Разводиться не следует. Если бы я не женился, я бы не развелся. Не знаешь, как лучше.

Она . Да, с тобой никогда не знаешь. Ты на все способен. Ты ни на что не способен.

Он . Жизнь без будущего — это жизнь без будущего. Это не жизнь.

Она . Некоторым везет. Везучим везет; а невезучим — не везет.

Он . Мне жарко.

Она . А мне холодно. Не вовремя тебе жарко.

Он . Вот, опять непонимание. Вечное непонимание. Я открою окно.

Она . Ты хочешь меня заморозить. Ты меня погубишь.

Он . Зачем мне тебя губить, я вздохнуть хочу.

Она . Но ведь ты же говорил, что нужно смириться с духотой.

Он . Когда я это говорил? Не мог я такого сказать!

Она . Нет, мог. В прошлом году. Мелешь бог знает что. Сам себе противоречишь.

Он . Я себе не противоречу. Просто тогда было другое время года.

Она . Когда тебе холодно, ты мне не даешь окно открывать.

Он . Вот твой главный недостаток: когда мне холодно, тебе жарко, когда мне жарко — тебе холодно. Если одному жарко, другому обязательно холодно.

Она . Если одному холодно, другому обязательно жарко.

Он . Нет, если одному жарко, другому обязательно холодно.

Она . Это потому, что ты не такой, как все.

Он . Я не такой, как все?

Она . Да. К несчастью, ты не такой, как все.

Он . Нет. К счастью, я не такой, как все.

Взрыв.

Она . К несчастью.

Взрыв.

Он . К счастью.

Взрыв.

Взрыв.

Я не обычный человек, я не похож на всех этих болванов. На этих болванов, с которыми ты якшаешься.

Взрыв.

Она . Надо же, взрыв.

Он . Я не человек без роду, без племени! Мне случилось быть гостем принцесс, у которых были декольте до пупа, прикрытые сверху корсажем, а то они были бы вовсе нагишом. Меня посещали гениальные мысли, и я бы их записал, если бы меня попросили. Я мог бы стать поэтом.

Она . Не воображай, будто ты умнее других; я тоже в это поверила в минуту безумия. Нет, неправда. Я просто сделала вид, что поверила. Ты меня обольстил, вот и поверила. Но все равно ты кретин.

Он . Кретинка!

Она . Кретин! Обольститель!

Он . Не оскорбляй меня. Не зови меня обольстителем. Бесстыдница.

Она . Это не оскорбление. Я просто вывожу тебя на чистую воду.

Он . Я тоже тебя выведу на чистую воду. Дай-ка я сотру твою штукатурку. (Наотмашь бьет ее по лицу.)

Она . Мерзавец! Обольститель! Обольститель!

Он . Осторожно... берегись!

Она . Дон Жуан! (Дает ему пощечину.) Прекрасно!

Он . Замолчи!.. Послушай!

Шум на улице становится сильнее, слышны крики, выстрелы, причем теперь они раздаются ближе, чем раньше, то есть прямо под окном. Мужчина, собиравшийся резко ответить на оскорбление, внезапно замирает, женщина тоже.

Она . Что там еще такое? Открой же окно. Посмотри.

Он . Ты только что говорила, что не надо его открывать.

Она . Сдаюсь. Смотри, какая я лапочка.

Он . Да, лгунья, на сей раз ты не врешь. Впрочем, тебе не будет холодно. По-моему, потеплело. (Открывает окно и выглядывает на улицу.)

Она . Что там?

Он . Ничего. Трое убитых.

Она . Кто именно?

Он . По одному с каждой стороны. И еще один прохожий, сохранявший нейтралитет.

Она . Не стой у окна. Они тебя пристрелят.

Он . Сейчас закрою. (Закрывает окно.) Кстати, здесь уже не стреляют.

Она . Значит, они ушли.

Он . Дай посмотрю.

Она . Не открывай окно.

Он открывает окно.

Почему они отошли? Как ты думаешь? Закрой окно. Мне холодно.

Он закрывает окно.

С ума сойдешь от жары.

Он . Они все-таки следят друг за другом. Смотри, видишь две головы с той стороны и с этой? На улицу пока не пойдем. Выходить еще нельзя. Мы потом решим, как быть. Завтра.

Она . Прекрасный повод опять ничего не решать.

Он . Что поделаешь.

Она . И ведь это так дальше и будет. То ураган, то забастовка на железной дороге, потом грипп, потом война. А когда нет войны, все равно война. Ах! Все так просто. А кто знает, что нас ждет? Догадаться нетрудно.

Он . Что ты все то одну прическу делаешь, то другую? Ты и так красивая, красивее не будешь.

Она . Ты же не любишь, когда я плохо причесана.

Он . Сейчас не время кокетничать. Совершенно не ко времени.

Она . Я опережаю свое время. Я наряжаюсь для прекрасного будущего.

Окно пробивает пуля.

Он . Ах! Видел? Видела?

Она . Тебя не ранило?

Он . Тебя не ранило?

Она . Я же тебе говорила: закрой ставни.

Он . Я подам жалобу домовладельцу. Как он это допускает? Где он вообще? На улице, ясное дело, развлекаться пошел. Ох, люди, люди!

Она . Ну закрой ставни.

Он закрывает ставни. Становится темно.

Послушай, зажги свет. Не сидеть же в темноте.

Он . Ты же просила закрыть ставни. (В темноте направляется к выключателю и натывается на какой-то предмет обстановки.) Ай! Больно!

Она . Раззява.

Он . Так, так, ругайся. Где эта чертова штука? В этом доме не сразу поймешь что к чему. Выключатели бог знает где. Место меняют как живые.

Она встает в темноте к выключателю, натывается на Него.

Она . Мог бы и поосторожнее.

Он . Ты тоже.

Ей удается зажечь свет.

Она . Ты мне на лбу шишку набил.

Он . Ты мне на ногу наступила.

Она . Это ты нарочно.

Он . Это ты нарочно.

Оба садятся, Он на один стул. Она на другой. Пауза.

Если бы мы не встретились и не познакомились, что бы я делал? Наверное, стал бы художником. А может, занялся бы чем-нибудь другим. Может, объехал бы весь свет, может, сохранил бы молодость.

Она . Ты умер бы в доме престарелых. А может быть, мы бы все равно встретились. Может быть, по-другому и быть не могло. Как теперь узнаешь?

Он . Возможно, я не спрашивал бы себя, зачем живу. А возможно, и нашлись бы резоны для хандры.

Она . Я бы смотрела, как растут мои дети. А может, снялась бы в кино. Жила бы в прекрасном замке, среди цветов. И занималась бы... Чем бы я занималась? Кем бы я была?

Он . Я пошел. (Берет шляпу, направляется к двери, но тут раздается сильный шум. Он останавливается перед дверью.) Слышишь?

Она . Не глухая. Что это?

Он . Граната. Они пошли в атаку.

Она . Даже если тебе хватит решимости, ты там все равно не пройдешь. Мы между двух огней. Зачем ты снял квартиру на границе двух кварталов?

Он . Ты сама хотела здесь жить.

Она . Вранье!

Он . У тебя память отшибло или ты нарочно притворяешься? Ты хотела здесь жить, потому что из окна красивый вид. Ты говорила, что это возбудит во мне новые мысли.

Она . Что это ты выдумал?

Он . Нельзя было предвидеть... Ничто не предвещало...

Она . Вот видишь, сам признался, что дом выбирал ты.

Он . Как это я, когда у меня и в мыслях ничего подобного не было?

Она . Мы это сделали просто так.

Шум за стенами квартиры усиливается. На лестнице крики и топот.

Поднимаются сюда. Закрой дверь получше.

Он . Дверь закрыта. Она плохо закрывается.

Она . Все-таки закрой получше.

Он . Они на площадке.

Она . На нашей?

Стук в дверь.

Он . Успокойся, это не за нами. Они стучатся в дверь напротив.

Оба прислушиваются, стук не стихает.

Она . Их уводят.

Он . Поднимаются наверх.

Она . Спускаются.

Он . Нет, поднимаются.

Она . Говорю тебе, спускаются.

Он . Обязательно тебе надо настоять на своем. Я же сказал, поднимаются.

Она . Спускаются. Ты даже не понимаешь, откуда шум. Это от страха.

Он . Какая разница, спускаются или поднимаются? В следующий раз придут за нами.

Она . Надо забаррикадироваться. Шкаф. Задвинь дверь шкафом. А говоришь, у тебя есть какие-то мысли.

Он . Я не говорил, что у меня есть мысли. Впрочем...

Она . Ну что ты стоишь, двигай шкаф.

Они берутся за шкаф, стоящий справа, и задвигают им левую дверь.

Так все же спокойнее. Хоть чуть-чуть.

Он . Ничего себе покой. Скажешь тоже.

Она . Да уж, какой с тобой покой.

Он . Почему это со мной нет покоя?

Она . Раздражаешь ты меня. Нет, не раздражаешь. Нет, все-таки раздражаешь.

Он . Ничего не буду говорить, ничего не буду делать. Чего-то делать не буду тем более. Тебя все выводит из себя. Я же знаю, о чем ты думаешь.

Она . О чем я думаю?

Он . О чем думаешь, о том и думаешь.

Она . Инсинуации, коварные намеки.

Он . Почему коварные?

Она . Все инсинуации коварные.

Он . Это вовсе не инсинуации.

Она . Нет, инсинуации.

Он . Нет.

Она . Да.

Он . Нет.

Она . Если это не инсинуации, то что это?

Он . Чтобы утверждать, что это инсинуации, надо знать, что такое инсинуации. Дай мне определение инсинуации; я требую определения.

Она . Смотри, они спустились вниз и увели с собой верхних соседей. Они уже не кричат. Что с ними сделали?

Он . Наверное, горло перерезали.

Она . Интересная мысль, хотя нет, совсем не интересная, а почему им горло перерезали?

Он . Не пойду же я спрашивать. Не те обстоятельства.

Она . А может, вовсе и не перерезали горло. Может, с ними как-нибудь иначе обошлись.

На улице крики, шум, стены содрогаются.

Он . Слышишь?

Она . Видишь?

Он . Видишь?

Она . Слышишь?

Он . Они все заминировали.

Она . Скоро мы снова окажемся в подвале.

Он . Или на улице. И ты простудишься.

Она . Нет, уж лучше в подвале. Туда можно отопление провести.

Он . Там спрятаться можно.

Она . Туда они не придут.

Он . Почему?

Она . Подвал слишком глубокий. Они не подумают, что люди вроде нас или не совсем вроде нас могут жить в бездне, как звери.

Он . Они все обыскивают.

Она . Так ведь ты можешь скрыться. Я тебя не держу. Подыши воздухом, воспользуйся случаем изменить свое существование. Посмотри, существует ли иное существование.

Он . Момент неподходящий. Холодно, и дождь идет.

Она . Ты же говорил, что только мне холодно.

Он . А теперь мне холодно. Холодный пот прошибает. Имею же я на это право.

Она . Ну, конечно, ты на все имеешь право. Это я ни на что права не имею. Даже сказать, что мне жарко. Посмотри, что за жизнь ты мне устроил. Взгляни хорошенько. Посмотри, каково мне тут, в твоём обществе. (Указывает на закрытые ставни, на дверь, задвинутую шкафом).

Он . Это какой-то бред, не будешь же ты утверждать, будто все эти ужасы происходят по моей вине.

Она . Я только считаю, что ты должен был это предвидеть. Во всяком случае, сделать так, чтобы это случилось не при нас. Ты воплощение невезения.

Он . Хорошо. Исчезаю. Дай мне шляпу. (Собирается идти за шляпой).

В это время сквозь закрытые ставни влетает граната и падает на пол посреди комнаты. Они рассматривают гранату.

Она . Смотри, панцирь черепахи-улитки.
Он . У улитки нет панциря.
Она . А что у нее есть?
Он . Раковина, наверное.
Она . Это одно и то же.
Он . Ой! Да ведь это граната!
Она . Граната! Она сейчас взорвется, затопчи фитиль!
Он . У нее нет фитиля. Смотри, не взрывается.
Она . Прячься скорее! (Прячется в угол.)

Он направляется к гранате.

Тебя убьет. Осторожно, безумец.

Он . Не оставлять же ее посреди комнаты. (Берет гранату, выбрасывает ее в окно).

За окном раздается взрыв.

Она . Вот видишь, взорвалась. Наверное, в доме она бы не взорвалась, здесь кислорода мало. А на свежем воздухе взрывается. Вдруг ты кого-нибудь убил? Ты убийца!

Он . Ну, там такое делается, что никто и не заметит. Во всяком случае, мы и на сей раз уцелели.

На улице сильный шум.

Она . Теперь наверняка начнутся сквозняки.

Он . Закрыть ставни — мало. Надо еще окна матрасом заткнуть, давай сюда матрас.

Она . Почему ты не продумал все заранее; ты всегда находишь выход, когда уже поздно.

Он . Лучше поздно, чем никогда.

Она . Философ, безумец, оболъститель. Поворачивайся, давай матрас. Помоги мне.

Они снимают с кровати матрас и загораживают им окно.

Он . А спать на чем будем?

Она . Это ты виноват, даже второго матраса в доме нет. У моего бывшего мужа их было полно. Уж чего-чего, а этого в доме хватало.

Он . Так ведь он сам их делал, на продажу. Немудрено, что у вас их было навалом.

Она . Как видишь, в подобной ситуации это мудрено.

Он . А в других ситуациях немудрено. Веселенький у вас, наверное, был дом — всюду матрасы.

Она . Он был не просто мастер. Он был матрасник-ас. Делал их из любви к искусству. А что ты делаешь из любви ко мне?

Он . Из любви к тебе я с тоски дохну.

Она . Не большой подвиг.

Он . Это как посмотреть.

Она . Во всяком случае, это не утомительно. Лентяй ты.

Снова шум, дверь справа падает. Через дверной проем в комнату проникает дым.

Он . Ну, это уж слишком. Не успеешь одну закрыть, другая тут же открывается.

Она . Я из-за тебя заболела. Я уже больна. У меня с сердцем плохо.

Он . Или падает.

Она . Попробуй только скажи, что ты тут ни при чем.

Он . Я за это не отвечаю.

Она . Ты никогда ни за что не отвечаешь!

Он . По логике вещей так и должно было случиться.

Она . По какой логике?

Он . По логике вещей, таков объективный порядок вещей.

Она . Что с дверью будем делать? Почини ее.

Он (*выглядывая в дверной проем*). Соседей нет дома. Наверное, отдохнуть уехали. А дома взрывчатку забыли.

Она . Есть хочется и пить. Посмотри, у них нет чего-нибудь?

Он . Может, попробовать выйти? У них в квартире есть дверь, которая выходит в переулок, там потише.

Она . Тебе лишь бы уйти. Подожди. Я шляпу надену.

Он выходит направо.

Ты где?

Он (*из кулисы*). Здесь не пройдешь. Стена обвалилась, я так и думал. Всю площадку засыпало. Камней целая гора. (Входит.) Тут хода нет, подождем, пока на нашей улице затихнет. Тогда шкаф отодвинем и выйдем.

Она . Пойду посмотрю. (Выходит.)

Он . Надо было мне раньше уйти. Три года назад. Или год назад, или даже на прошлой неделе. Мы с женой были бы теперь далеко. Помирились бы. Правда, она замужем. Ну, значит, с другой. В горах. Я пленник несчастной любви. И любви запретной. Будем считать, что я получил по заслугам.

Она (*возвращаясь*). Что ты там бормочешь? Опять упреки?

Он . Я просто думаю вслух.

Она . Я у них в буфете колбасу нашла. И пиво. Бутылка треснула. Где тут можно поесть?

Он . Где хочешь. Давай сядем на пол. А вместо стола возьмем стул.

Она . Боже мой, мир навыворот!

Они садятся на пол, поставив между собой стул. С улицы слышен шум. Раздаются крики и выстрелы.

Они наверху. На этот раз сомневаться не приходится.

Он . Ты же говорила, что они спускаются.

Она . Но я не сказала, что они не поднимутся опять.

Он . Можно было догадаться.

Она . Ну хорошо, что я, по-твоему, должна делать?

Он . Я вообще не говорил, что ты должна что-нибудь делать.

Она . Какое счастье, хоть что-то разрешил.

В потолке образуется дыра, через нее падает статуэтка, попадает на бутылку с пивом, разбивает бутылку и разбивается сама.

Мое платье! Самое лучшее. Единственное платье. На мне хотел жениться знаменитый модельер.

Он (*собирая осколки статуэтки*). Это копия Венеры Милосской.

Она . Надо будет подмести. И платье вычистить. Кто теперь его покрасит? Все вокруг воюют. Для них это отдых. (Глядя на осколки статуэтки.) Это не Венера Милосская, это статуя Свободы.

Он . Ты же видишь, что у нее нет руки.
Она . Рука сломалась при падении.
Он . Ее и раньше не было.
Она . Что это доказывает? Ничего не доказывает.
Он . Говорю тебе, это Венера Милосская.
Она . Нет.
Он . Да посмотри же.
Она . У тебя везде одни Венеры. Это статуя Свободы.
Он . Это статуя Красоты. Красота — это моя любовь. Я мог бы быть скульптором.
Она . Она прекрасна, твоя красота.
Он . Красота всегда прекрасна. За редким исключением.
Она . Исключение — это я. Ты это хотел сказать?
Он . Не знаю, что я хотел сказать.
Она . Вот видишь, опять оскорбления.
Он . Я хотел тебе доказать, что...
Она (*прерывая его*). Хватит с меня доказательств, оставь меня в покое.
Он . Это ты меня оставь в покое. Я жажду покоя.
Она . Я тоже жажду покоя. Да разве с тобой дождешься!

Сквозь стену в комнату влетает осколок бомбы и падает на пол.

Сам видишь, не дождешься.

Он . Да, покоя здесь ждать не приходится; но это от нас не зависит. Это объективно невозможно.

Она . Мне надоела твоя страсть к объективности. Займись лучше гранатой, она взорвется... как та...

Он . Да ведь это же не граната. (Трогает осколок ногой.)

Она . Тихо, мы из-за тебя погибнем, и всю комнату разнесет.

Он . Это осколок бомбы.

Она . А бомба должна взрываться.

Он . Осколок — это уже результат взрыва. И больше нечему взрываться.

Она . Перестань издеваться.

Влетает еще один осколок и разбивает зеркало на туалетном столике.

Они мне зеркало разбили, разбили зеркало.

Он . Тем хуже.

Она . Как теперь причесываться? Ты, конечно, опять скажешь, что я кокетка.

Он . Ешь лучше колбасу.

Наверху снова поднимается шум. С потолка сыплется. прячутся под кровать. Шум на улице становится громче. Слышны пулеметные очереди и крики «Ура!».

Мужчина и женщина сидят под кроватью лицом к публике.

Она . Когда я была маленькая, я была ребенком. Дети моего возраста тоже были маленькие. Маленькие мальчики, маленькие девочки. Мы были разного роста. Были самые маленькие, самые большие, блондины, брюнетки и ни блондины, ни брюнетки. Мы учились читать, писать, считать. Учили вычитание, деление, умножение, сложение. Потому что мы ходили в школу. Некоторые учились дома. Невдалеке было озеро. Там плавали рыбы, рыбы живут в воде. Не то что мы. Мы не можем жить в воде, даже пока мы дети; хотя должны бы. Почему бы нет?

Он . Если бы я изучал технику, я стал бы техником. Делал бы разные штуки. Сложные

штуки. Очень сложные штуки, все сложнее и сложнее, это облегчило бы мне жизнь.

Она . Ночью мы спали.

С этого момента потолок начинает осыпаться. В конце пьесы не останется ни потолка, ни стен.

Вместо них взору зрителя предстанут лестницы, силуэты, возможно, знамена.

Он . Радуга, две радуги, три радуги, Я их считал. Иногда бывало и больше. Я задавал себе вопрос. Надо было отвечать на вопрос. Какой вопрос я себе задавал? Не помню. Но чтобы получить ответ, должен же я был задавать себе вопрос... Вопрос. Как можно получить ответ, если не задан вопрос? Итак, я задавал вопрос, несмотря ни на что, я не знал, что это за вопрос, но все же задавал его. Это было безобиднейшее занятие. Тот, кто знает вопрос, хитрец... Спросим себя, ответ зависит от вопроса или вопрос зависит от ответа. Это другой вопрос. Нет, тот же самый. Радуга, две радуги, три радуги, четыре...

Она . Жульничество все это!

Он прислушивается к шуму, наблюдая, как сверху сыплется штукатурка и как через всю комнату проносятся совершенно немислимые метательные снаряды: осколки чашек, чубуки от трубок, головы кукол и т. д.

Он . Некоторые не хотят умирать сами. Они предпочитают, чтобы их убивали. Им не терпится. А может быть, им это нравится.

Она . Может, тогда им кажется, что это еще не настоящая смерть.

Он . Так, наверное, проще. Так веселее.

Она . Это и называется обществом.

Он . Они приканчивают друг друга.

Она . Сначала приканчивают одни, потом другие. Одновременно это никак не получится.

Он (снова погружаясь в воспоминания). Я стоял на пороге. Я смотрел.

Она . У нас там был лес, а в нем деревья.

Он . Какие деревья?

Она . Которые росли. Росли быстрее нас. С листьями. Осенью листья опадают.

Невидимые снаряды пробивают стену, оставляя большие дыры. С потолка сыплется на кровать.

Он . Ай!

Она . Что с тобой? Ты же не ранен!

Он . Ты тоже не ранена.

Она . Так что с тобой?

Он . Меня могло ранить.

Она . Очень на тебя похоже. Всегда ворчишь.

Он . Это ты всегда ворчишь.

Она . Не кивай на других, ты всегда боишься за свою шкуру. Вечно боишься, чтобы не сказать трусишь. Лучше приобрел бы профессию, было бы на что жить. Профессионал всем нужен. А во время войны он не подлежит призыву.

Сильный шум на лестнице .

Она . Возвращаются. Теперь уж это к нам.

Он . Видишь, я не зря беспокоюсь.

Она . Обычно зря.

Он . Но не в этот раз.

Она . Как всегда, хочешь доказать мне, что ты прав.

Снаряды больше не пролетают.

Он . Кончилось.

Она . Наверное, передышка.

Они вылезают из-под кровати. Рассматривают пол, усыпанный снарядами, проломы в стене, которые все время увеличиваются.

Может быть, здесь можно пройти? (*Показывает на пролом в стене.*) Куда она выходит?

Он . На лестницу.

Она . На какую лестницу?

Он . На лестницу, которая выходит во двор.

Она . На лестницу, которая выходит в какой двор?

Он . Выходит на лестницу, которая выходит во двор, который выходит на улицу.

Она . Который выходит на какую улицу?

Он . Который выходит на улицу, где идет бой.

Она . Итак, мы в тупике.

Он . Значит, лучше никуда не ходить. Не надевай шляпу. Шляпу надевать не стоит.

Она . Ты всегда находишь неудачный выход. Почему ты собираешься выйти там, где выхода нет?

Он . Я собирался выйти, если выйти возможно.

Она . Тогда не надо рассматривать возможность выхода.

Он . Я не утверждал, что рассматриваю возможность выхода. Я утверждал, что рассматривал бы ее только в том случае, если возможность была бы возможна.

Она . Мне не нужны уроки логики. В логике я сильнее тебя. Вся жизнь тебе это доказываю.

Он . Ты слабее.

Она . Я сильнее.

Он . Слабее.

Она . Сильнее, гораздо сильнее.

Он . Замолчи.

Она . Ты мне рот не заткнешь.

Он . Лучше замолчи и послушай.

Крики на лестницах и на улице.

Она . Что они делают?

Он . Они поднимаются... поднимаются, их много.

Она . Они посадят нас в тюрьму. Они меня убьют.

Он . Мы ничего не сделали.

Она . Мы ничего не сделали.

Он . Потому и посадят.

Она . Мы не вмешивались в их дела.

Он . Вот потому и посадят, я же говорю.

Она . А если бы мы вмешались, они бы нас убили.

Он . Тогда мы были бы уже мертвы.

Она . Это утешает.

Он . Все же мы пережили бомбежку. Бомбежка кончилась.

Она . Они поднимаются.

Он . Поднимаются.

Она . Они поют.

Сквозь проломы в стене видны силуэты поднимающихся людей, слышно пение.

Он . Бой закончился.

Она . Это пение победителей.

Он . Они победили.

Она . Кого победили?

Он . Не знаю. Но они выиграли битву.

Она . Кто выиграл?

Он . Тот, кто не проиграл.

Она . А тот, кто проиграл?

Он . Тот не выиграл.

Она . Остроумно. Я и сама об этом догадывалась.

Он . Все-таки в логике ты кое-что смыслишь. Не много, но кое-что.

Она . А что делают те, кто не выиграл?

Он . Либо погибли, либо рыдают.

Она . Почему рыдают?

Он . Их мучают угрызения совести. Они были не правы. Они это признают.

Она . Почему не правы?

Он . Не правы, потому что проиграли.

Она . А те, что выиграли?

Он . Они правы.

Она . А если никто не выиграл и не проиграл?

Он . Наступает непрочный мир.

Она . И что тогда?

Он . Приходят серые дни. И все ходят красные от гнева.

Она . Во всяком случае, опасность миновала. По крайней мере пока.

Он . Тебе больше нечего бояться.

Она . Это тебе нечего бояться. Тебя била дрожь.

Он . Не так, как тебя.

Она . Я не так испугалась, как ты.

Матрас падает. В окно видны знамена. Иллюминация. Вспышки ракет.

Черт возьми! Все сначала. И именно когда матрас упал. Прячься под кровать.

Он . Да нет же. Это просто праздник. Они празднуют победу. Они шествуют по улицам. И, наверное, получают от этого удовольствие. Может быть.

Она . Они не заставят нас к ним присоединиться? Оставят нас в покое? В мирное время они никого не оставляют в покое.

Он . Все-таки так спокойнее. Лучше. Несмотря ни на что.

Она . Нет, не хорошо. Плохо.

Он . Плохо — это еще не самое худшее.

Она (*презрительно*). Опять твоя философия. Ты неисправим. Жизнь не сделала тебя мудрее. Ты просто стал больше философствовать. Ты, кажется, собирался выйти на улицу?

Иди, пожалуйста.

Он . Не при любом развитии событий. Если я там сейчас появлюсь, они станут мне докучать, так что пусть они сперва разойдутся по домам, а я уж здесь поскучаю. А ты иди, если хочешь, я тебе не мешаю.

Она . Ясно, что тебе надо.

Он . Что мне нужно?

Она . Вышвырнуть меня на улицу.

Он . Это ты хочешь вышвырнуть меня на улицу.

Она (*разглядывая искореженные стены*). Ты меня уже выставил. Мы на улице.

Он . Да, но не совсем.

Она . Они веселятся, едят, пьют, шатаются по улицам, они ужасны, на все способны, могут на меня наброситься, на бедную женщину. Нет уж, все же не с кем попало. Я предпочла бы иметь дело с полным идиотом. Он хоть планов не строит.

Он . Именно за это ты меня упрекала.

Она . И сейчас упрекаю.

Он . Что они еще там задумали? Молчат. Долго так продолжаться не может. Я хорошо их знаю, слишком хорошо. Когда они что-то задумали — это страшно, но когда идей нет, они изо всех сил начинают выдумывать, что бы такое совершить. И Бог знает что выдумают; от них всего можно ожидать. Бывает, что, ввязавшись в бой, они еще не знают, за что бьются. Доводы приходят потом. Они вечно в плену ходячих истин. А впрочем, не всегда. Так или иначе, события развиваются в определенном направлении. Не успеет кончиться одна заваруха, сразу начинается другая. Что они еще сделают? Что придумают?

Она . Придумай за них. Ты просто не можешь. Ты не хочешь пошевелить мозгами, это не представляет для тебя интереса. Почему это не представляет для тебя интереса? Придумай за них мотивировки, раз тебе кажется, что им недостает мотивировок.

Он . Мотивировок не существует.

Она . Но это не мешает людям буйствовать, ни на что другое они не годятся.

Он . Слышишь, как тихо? Они больше не поют. Что они задумали?

Она . А нам-то что? Опасность, конечно, остается. Раз ты говоришь, что это не твое дело, живи в четырех стенах, твое место здесь. (*Обводит дом округлым жестом.*) Если бы ты захотел... но от тебя не дождешься никакого толку. У тебя нет воображения. Мой муж был гений. Я плохо сделала, что ушла к любовнику, тем хуже для меня.

Он . По крайней мере, они ушли с миром.

Она . Правильно. Грянул мир. Они объявили мир. А нам что делать? Что нам делать?

На улице небольшой шум.

Он . Все же раньше было лучше. Еще оставалось время.

Она . Раньше чего?

Он . Раньше, чем это началось... Раньше, чем это не началось.

Она . Раньше, чем кто не начал что?

Он . Раньше, чем ничего не было, раньше, чем что-то было.

Она . Как починить дом?

Он . И я себя об этом спрашиваю.

Она . Выкручиваться — это твоя забота.

Он . Мастера теперь не найдешь, они все на празднике. Они развлекаются, а у нас нет крыши над головой. То они не могли выполнять свои обязанности из-за войны, теперь из-за мира, а результат один. И в том и в другом случае их никогда нет там, где нужно.

Она . Потому что они сразу везде.

Шум постепенно стихает.

Он . Непросто не быть нигде.

Она . Стало тише. Ты слышишь, стало тише.

Он . Когда ничего не происходит, все происходит очень быстро.

Шум полностью прекращается.

Она . Полная тишина.

Он . Правда. Наверняка они сейчас устроят шум. Сомневаться не приходится.

Она . Они не умеют себя вести. Зачем все это?

Он . Чтобы прожить жизнь.

Она . Мы тоже живем.

Он . Их жизнь не такая бессмысленная. Мне кажется, они скучают по-другому. Есть много способов скучать.

Она . Своим ты никогда не доволен. Всегда всем завидуешь. Надо бы отремонтировать дом. Нельзя же так жить. Как бы мой муж-матрасник был сейчас кстати.

Из пролома в стене высовывается голова Солдата.

Солдат . Здесь нет Жанетты?

Он . Какой Жанетты?

Она . Здесь нет Жанетты. Здесь нет никакой Жанетты.

Справа из дверного проема появляются Соседи.

Сосед . А вот и мы. Ну надо же! Вы все время были здесь?

Соседка . Здесь, наверно, было интересно.

Сосед . Мы отдыхали, ничего не знали. Но и там мы здорово развлеклись.

Соседка . Нам угодить нетрудно. Развлечься можно везде, был бы конфликт.

Она . Придется вам чинить свою дверь.

Он (*Солдату*) . Здесь нет Жанетты, нет никакой Жанетты.

Солдат . Что же случилось? Она сказала, что будет здесь.

Он (*Солдату*) . Это не мое дело, занимайтесь своим делом.

Солдат . Вот я и занимаюсь.

Она (*Ему*) . Надо прибраться, помоги мне. Потом погуляешь.

Он . Потом погуляешь.

(*вместе*) . Потом погуляем.

Она (*Ему*) . Загороди окно матрасом. Как следует, пожалуйста.

Он . Зачем? Опасность миновала.

Она . Да, но сквозняки не миновали. И еще есть грипп, микробы, и вообще на всякий случай.

Солдат . Вы не знаете, кто мог ее видеть?

Она загоразживает дыру, из которой выглядывает Солдат, кроватью, потом они закрывают дверь за Соседями. Сверху слышен шум пилы.

Она . Слышишь, опять начинается. Я же сказала, что начнется. А ты не верил. И, как видишь, я оказалась права.

Он . Ты не права.

Она . И ты будешь утверждать, что ты мне не противоречишь? Ты же только что доказал обратное!

Он . Там все тихо.

Сверху медленно спускаются обезглавленные тела, висящие на веревках, и кукольные головы без туловищ.

Она . Что это? (Убегает, так как ее головы коснулись ноги одного из тел.) Ай! (Трогает одну голову, рассматривает другие). Просто красавчики! Скажи, что это значит? Отвечай!

Ты же такой болтун. И вдруг онемел. Что это?

Он . Ты не слепая. Это тела без головы и головы без тел.

Она . Слепая я была, когда встретила тебя. Я тебя не разглядела. Когда я на тебя гляжу, мне ослепнуть хочется.

Он . И мне, на тебя глядя, ослепнуть хочется.

Она . Раз ты не слепой и не полный идиот, объясни... Ай! Они как сталактиты. Почему? Ты видишь, конфликт еще не исчерпан.

Он . Исчерпан. Они творят справедливость в безмятежном покое. Там наверху гильотина. Посмотри, сразу видно, что наступил мир.

Она . Что нам делать? Вот влипли!

Он . Плевать!.. Лучше спрячемся.

Она . Помоги мне. Лентяй! Обольститель!

Они затыкают окно матрасом, баррикадируют двери, причем сквозь разрушенные стены все время видны силуэты и слышны фанфары.

Он . Черепаха!

Она . Улитка!

*Обменявшись пощечинами, они снова принимаются за работу.
Занавес.*